

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ВОИН

УМЕРЕТЬ ДВАЖДЫ

Служу
Отечеству!

Спецназ. Воин России

Александр Тамоников

Умереть дважды

«ЭКСМО»

2010

Тамоников А. А.

Умереть дважды / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2010 — (Спецназ. Воин России)

ISBN 978-5-699-40973-0

В горах Афганистана падает российский десантный самолет Ил-76. Экипажу удается выжить, но все летчики попадают в руки талибов. Полевой командир Хизаят Тургай собирается продать их в рабство и лишь ждет, когда кто-нибудь предложит хорошую цену. Родина не может допустить подобной бесчеловечности, и в срочную командировку в Афган направляется боевая группа спецназа ГУБТ под командованием полковника Крымова. Но освободить соотечественников – только полдела. На борту разбившегося самолета находился важный стратегический груз, и если он попадет к талибам, то будет беда. А значит, Крымову и его парням придется вести две параллельные операции, каждая из которых оценивается как крайне сложная...

ISBN 978-5-699-40973-0

© Тамоников А. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алекксандр Тамоников

Умереть дважды

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Военный аэродром под Переславлем. Суббота, 14 июня, 2 часа 40 минут

Мелкий, морозящий дождь начался около полуночи. Заметно похолодало. В кабинете командира Н-ского авиационного полка находилось трое офицеров. Хозяин кабинета, командир части полковник Эдуард Семенович Гуриенко, старший оперуполномоченный службы безопасности по полку, в просторечье особист, майор Георгий Сергеевич Черепко и представитель центрального аппарата Федеральной службы безопасности, полковник Юрий Павлович Куликов. Последний постоянно бросал взгляд на свои часы. Особист курил у окна, командир полка сидел в кресле у журнального столика, мерно постукивая карандашом по глянцевому журналу. Сигнал вызова на радиостанции Гуриенко внезапно разорвал тишину служебного помещения. Командир полка включил станцию:

– Полоса на связи!

– Я – Прогон, нахожусь в километре от въездного в город поста ДПС, через десять минут подойду к городку. Прошу подтвердить въезд на территорию объекта через тыловой КПП.

Гуриенко, взглянув на офицеров службы безопасности, ответил:

– Я – Полоса, доклад принял! Въезд на объект через тыловой контрольно-пропускной пункт подтверждаю. Остановка у первого ангара. Впрочем, вас встретят!

Переведя радиостанцию в режим приема, Гуриенко сказал Куликову:

– Колонна на подходе к аэродрому.

Полковник ФСБ поднялся из-за стола совещаний и распорядился, обращаясь к командиру полка:

– Как только груз переместят в самолет, командира корабля на инструктаж. Ну а мы с вами, товарищ майор, – на встречу колонны.

Черепко погасил в пепельнице окурок:

– Не мешало бы, Юрий Павлович, накидки взять, дождь не утихает!

– Возьмите!

Представитель ФСБ вышел из кабинета.

Особист хмыкнул:

– Легко сказать, возьми! Ну, моя у меня висит, а где вторую взять?

Командир полка кивнул на шкаф:

– Забирай мою.

– Так вам самому она может понадобиться.

– Бери! Потом разберемся. Если что – у дежурного позаимствую. И ступай, Георгий, что-то уж слишком нервничает полковник безопасности.

– А может, он по жизни такой нервный или впервые направлен на ответственную работу?

– Не рассуждай.

Особист, забрав плащ-накидку командира полка, а затем свою, заглянув в собственный кабинет, вышел из штаба. Полковник ФСБ сидел на месте старшего в припаркованном у входа в здание управления войсковой части командирском «УАЗе». Черепко сел на заднее сиденье. Куликов недовольно пробурчал:

– Вы все делаете медленно, майор?

– А в чем, собственно, дело? До нужного нам ангара три минуты езды. И потом, вы же знаете, почему я задержался?

– Много разговоров. Пустых разговоров.

Он повернулся к водителю, сержанту-контракtnику:

– Ну а ты чего ждешь? Так и будем сидеть у штаба?

– Жду команды, товарищ полковник!

- Так вперед! А куда ехать, тебе майор скажет.
- Я знаю, куда ехать.
- Тем лучше!

Сержант завел двигатель и повел автомобиль к охраняемой караулом зоне.

Колонна из «УАЗа» и двух «КамАЗов», в одном из которых находилось отделение охраны, беспрепятственно миновала тыловой контрольно-пропускной пункт авиационной части и остановилась возле ангара. Солдаты охраны тут же покинули грузовик и заняли позиции вокруг среднего «КамАЗа». Из «УАЗа» вышел офицер в форме спецназа ФСБ. Подошел к ожидавшим его старшим офицерам, обращаясь к представителю центрального аппарата ФСБ, доложил:

– Товарищ полковник, груз 0075 в пункт назначения доставлен. Во время марша происшествий не случилось, старший группы доставки груза и охранения капитан Реутов!

Куликов и Черепко пожали капитану руку, полковник приказал:

– Отведите охрану от автомобиля с грузом, отдайте команду своему заместителю вместе с водителем спецмашины вскрыть тенты для осмотра печатей на контейнерах.

Отданы короткие команды. Охрана, забросив автоматы на плечо, отошла от спецавтомобиля. Сержант-контрактник и старший лейтенант подняли заднюю часть тента, открыв доступ для двух контейнеров, оборудованных парашютными системами, радиоэлектронными блоками, стоявшим у борта рядом с кабиной. Сержант приставил к опущенному борту металлическую лестницу.

Полковник взглянул на особиста полка:

– Каждый контейнер должен иметь по четыре печати и шесть пломб. Прошу за мной, майор!

Старшие офицеры поднялись в кузов, осмотрели контейнеры, крепко сбитые деревянные ящики, обтянутые резиновой сеткой, стоящие на полозьях с парашютными системами на верхней крышке. Убедились в целостности печатей и пломб. Спустились на асфальт. Начальник конвоя протянул представителю центрального аппарата ФСБ извлеченный из планшета лист бумаги:

– Прошу расписаться в приемке груза, товарищ полковник!

Куликов поставил три размашистых подписи в формуляре, вернув его начальнику конвоя.

– Группа сопровождения груза может быть свободна? – спросил капитан.

– Согласно инструкции, после передачи груза вы должны убыть в распоряжение своей части, но я попросил бы вас задержаться, капитан. Это не приказ, это просьба.

– Как долго продлится задержка?

– До момента погрузки контейнеров на самолет.

– Вы считаете, здесь, на аэродроме, грузу угрожает опасность?

– Нет, я так не считаю. Я прошу вас остаться на некоторое время. Впрочем, мне недолго связаться с вашим командованием, и вы получите приказ поступить в мое распоряжение еще на столько, на сколько надо.

– В этом нет никакой необходимости. Личный состав конвоя в вашем распоряжении. Что мы должны делать?

– Продолжать осуществлять охранение груза вместе с майором Черепко до получения дополнительной команды. К контейнерам без моего прямого указания не допускать никого!

На «УАЗе» командира полка Куликов вернулся в штаб авиационной части. Отдав честь знамени, прошел в кабинет, где его ждал полковник Гуриенко и молодой, лет тридцати, майор в форме пилота, чьи виски, несмотря на молодость, уже успела тронуть седина.

Гуриенко представил майора:

– Командир корабля, назначенного для спецрейса, майор Курдин Сергей Анатольевич.

Командир полка представил старшего офицера безопасности. Куликов пожал руку Курдину и, повернувшись к Гуриенко, спросил:

– Это и есть ваш лучший командир корабля?

– Лучший командир лучшего экипажа!

Представитель ФСБ поинтересовался у Курдина:

– Сколько вам лет, майор?

– Тридцать один, товарищ полковник!

– У вас в экипаже все такие молодые?

– Старше меня только воздушный радист, прапорщик Будинов, остальные офицеры младше. Что никак не влияет на профессионализм экипажа.

– Вам случалось совершать длительные перелеты?

Курдин посмотрел на командира полка – мол, что за ерунду спрашивает гэбэшник у летчика дальней авиации. Гуриенко улыбнулся и ответил на вопрос, адресованный подчиненному:

– У нас, Эдуард Семенович, все без исключения экипажи летают только на дальние расстояния. Специфика полка.

Куликов, поняв, что действительно сморозил глупость, рассмеялся:

– Ну да, конечно, о чем это я? Ну что ж, принятие решения по экипажу спецрейса было возложено на командира полка, и он это решение принял. Прошу к столу, майор!

На столе лежала развернутая карта.

– Внимание, Сергей Анатольевич! Вам предстоит совершить перелет по маршруту Переслав – Джайлиер, Индия, с промежуточной посадкой на нашей авиабазе в Таджикистане. Для справки: в окрестностях города Джайлиер находится авиационная база индийских ВВС. Полетное задание вы получите непосредственно у своего начальника, а вот то, что вам предстоит сделать вне этого задания, доведу я. На борту вашего самолета размещены контейнеры с оборудованием для обслуживания индийских истребителей-бомбардировщиков «Бахадур», упрощенной модификации нашего «МиГ-27М», снятых с вооружения в Советском Союзе еще в начале 80-х годов. Индия по-прежнему эксплуатирует данный самолет. Впрочем, это не имеет для нас никакого значения. Наш интерес лишь в части, касающейся доставки оборудования в Джайлиер. К имеющемуся на борту грузу будут добавлены еще два контейнера, груз 0075. Из обозначения следует, что это сверхсекретный груз. Главная цель вашего полета – доставка именно этих двух контейнеров в Индию. Их вы, майор, должны будете сбросить в квадрате... Район юго-восточной оконечности пустыни Тар перед горным хребтом Аравалли.

Командир корабля склонился над картой, проговорил:

– Так, пустыня Тар, хребет, квадрат... с этим все ясно. Сброс делаем при снижении до 2500 метров, так как город Джайлиер лежит в ста километрах от перевала и имеет наивысшую точку в 1775 метров над уровнем моря. За хребтом предстоит резко снижаться, чтобы с ходу зайти на посадку. Вопросы разрешите, товарищ полковник?

– Конечно, я жду их.

– Первый. Контейнеры снабжены парашютными системами?

– Естественно, иначе как бы вы провели сброс.

– Сброс бы мы провели, а вот груз вряд ли уцелеет при отвесном падении с высоты в два с половиной километра. Вопрос второй. Диспетчеры индийской авиабазы сами выйдут на меня или мне вызывать их? Если мне, то каким образом?

– Авиабазы в Джайлиере будут вести вас с момента входа самолета в воздушное пространство Индии.

– Ясно. Вопрос третий. Мы передаем оборудование индийской стороне самостоятельно?

– Нет. Вас встретит военный атташе при Посольстве России в Индии. С ним будут находиться люди, которые обеспечат передачу груза, отдых экипажа, заправку самолета и вылет домой.

Курдин взглянул на Куликова.

– Атташе в курсе груза 0075?

– Без комментариев, но... ни вы, ни кто-либо из членов экипажа, ни в Таджикистане, ни в Индии, ни здесь в Переславе об этом грузе не должны говорить никому, даже военному атташе. Борт доставил оборудование – и все! Об этом я предупреждаю официально. Как и об ответственности за разглашение военной или государственной тайны.

Командир корабля улыбнулся:

– Я знаю, чем грозит разглашение военной тайны, но вы сказали, что и члены экипажа должны молчать об истинной цели полета. Значит ли это, что они также будут поставлены в известность об этой цели?

– Без этого, к сожалению, не обойтись. Или вы сможете сбросить груз единолично? Так, что об этом не узнает экипаж?

– Я и буду его сбрасывать, но вы правы: у ребят могут возникнуть вопросы по необычным действиям командира в условиях обычного в общем полета.

– Ну, вот видите! Еще вопросы есть?

– Что делать с грузом в случае аварийной ситуации?

– Если крушение самолета будет неизбежно или вам предстоит совершать вынужденную посадку в неизвестном районе, то груз следует сбросить! Контейнеры снабжены системой самоликвидации и взорвутся в воздухе после раскрытия основных парашютов. Но, надеюсь, подобного не произойдет.

– Я тоже надеюсь, но в полете всякое возможно. Понял; еще вопрос. На какое время назначен вылет корабля?

Полковник ФСБ кивнул на Гуриенко:

– Ответ на этот вопрос даст ваш командир.

Курдин продолжил задавать вопросы:

– В какое время суток запланирован перелет из Таджикистана в Индию, а главное, когда мы должны прибыть в Джайлиер?

– По-моему, все это будет указано в полетном задании, или я не прав?

– Вы правы, товарищ полковник, но мои вопросы касаются груза.

– Груза?

– Так точно! Днем мы будем видеть хребет Аравалли, ночью же придется ориентироваться по приборам. А это существенно может повлиять на точность приземления секретного груза.

– Вот оно что! Понятно. Вам не стоит беспокоиться о том, в нужном ли месте приземлятся контейнеры. Вы не отвечаете за их сохранность. Лишь за своевременность сброса.

– Так я...

Полковник ФСБ не дал договорить командиру корабля:

– Извините, что перебиваю, майор, я понял, что вы хотите сказать. И дабы не терять время, кое-что объясню. Вам не стоит беспокоиться о грузе, потому что в пилотскую кабину будет установлен специальный прибор. По нему в нужное время со спутника на борт поступит сигнал сброса. Вам останется привести в действие механизм сброса. И все! И продолжить полет, а точнее – начать снижение для посадки на аэродроме базы ВВС Индии в Джайлиере.

– Нас будет вести спутник?

– Только над территорией Индии. И не вести, а сопровождать. Вести корабль будете вы, майор, вместе с членами экипажа.

– А если я не получу никакого сигнала?

– Вы его получите. Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– Вам ясна задача?

– Так точно!

– Повторите ее!

Майор Курдин доложил суть поставленной ему задачи.

Куликов кивнул:

– Хорошо! Вы все верно поняли. Сейчас решайте свои профессиональные вопросы – и займемся погрузкой на борт спецконтейнеров груза 0075!

В 15.55 экипаж спецрейса занял места в пилотской кабине десантного «Ил-76». Майор Курдин включил бортовую связь, отдав приказ:

– Экипаж, готовиться к запуску!

Чуть позже он запросил:

– Экипаж, доложить готовность согласно листов контрольных проверок.

Прошли доклады:

– Помощник готов!

– Штурман готов!

– Связист готов!

Получив разрешение на взлет, Курдин бросил в микрофон:

– Поехали!

Взревели двигатели, самолет начал разбег по взлетно-посадочной полосе. Набрав скорость подъема, он плавно оторвался от земли, убрав шасси, резко поднимаясь вверх.

Спустя некоторое время командир вновь вышел на связь:

– Курс 135 градусов.

– Курс 135 градусов подтверждаю, эшелон занят! – откликнулся штурман.

– Ну и ладненько, включаю автопилот.

Командир корабля нажал кнопку на панели справа от себя.

– Высота 10 000 метров, скорость 900 километров в час.

Переключив управление самолетом на автоматический режим, Курдин повернулся к бортинженеру, чье кресло находилось посередине кабины сзади кресел командира корабля и его помощника:

– Леша! Слышал я, гулять скоро будем?

Чудин изобразил удивление:

– О чем это ты, командир?

– Как о чем? О твоей грядущей свадьбе с некой Лизонькой Расиной?

Бортинженер покачал головой:

– И что за гарнизон? Откуда только все все знают?

– Как откуда? Сор'ок-то сколько в этом году над городком летает, не заметил? Вот они на хвосте новости и разносят.

В разговор вступил радист:

– Если бы они еще только реальные новости разносили и не бродили больше по земле, в модных юбках, эти говорливые сороки...

– Ты-то чем недоволен, Витя? – спросил командир. – Образцовый прапорщик, примерный семьянин, не пошел бы в свое время в школу прапорщиков, сейчас, глядишь, уже эскадрильей командовал бы. А то и полком, с перспективой лет этак через семь заполучить лампасы и шитые звезды на золотые генеральские погоны.

– Как говорится, каждому свое, – ответил радист, – а до лампасов ты, командир, тянись, мне они ни к чему. Того, что есть, хватает. Насчет же языков бабских – не вам мне рассказывать, как они из любого примерного семьянина в момент отъявленного ловеласа сделают.

– Ну это понятно, городок есть городок, тем более закрытый. Женщинам делать нечего, вот они и перемалывают косточки тем, кто в поле их зрения попадает. Но о тебе я ничего такого не слышал. Уж до чего моя – любительница посплетничать, но тебя ни разу не задевала.

А она, кажется, знает о других больше, чем те сами о себе. Удивляюсь, когда познакомились, в торговом доме Переслава, такой скромницей представилась! Да и потом, пока не расписались, тихая была. А в городке словно кто подменил ее. Нет, дома Катя спокойная, хозяйственная, услужливая. А как с подругами встретится, не узнать. Но, повторяю, о тебе, Витя, я от благоверной не слышал ничего в плане сплетен. Напротив, говорила как-то: смотри, мол, какая семья у Будиновых. Всем бы так жить. Так что тебя-то возмутило? Ладно, если выступил бы Гена Захарченко. Но ты?

– И я попал на языки наших милых дам.

– Да ты что? Когда? На чем? Почему ничего не знаю?

Будинов попытался уйти от неприятного разговора:

– Тебе это надо, командир? Давай лучше замнем тему!

– Нет уж, Виктор Степанович, колись. Полет у нас долгий, молчком не просидишь, так что давай, выкладывай, на чем и когда спалился?

Штурман поддержал командира:

– Ну, чего примолк? Рассказывай! Не мне ж одному постоянно отбиваться?!

Радист вздохнул:

– Да рассказывать, собственно, нечего! Так, мелочовка, из которой бабы раздули целую историю...

– Ты долго телиться будешь?

– А, ладно! Все одно узнаете! Короче. Поехал я в пятницу вечером в город...

– Зачем? – тут же спросил бортинженер.

– С другом детства встретиться. Я же местный, в Переславе родился, учился, сюда же после школы прапорщиков вернулся. Надеюсь в полку и до пенсии дослужить. Друг в четверг мне позвонил – признаюсь, неожиданно позвонил. Третья дочь родилась. Предложил отметить. Отказаться не мог, предупредил супругу и поехал. Встретились на площади Победы. Поздравил Игорька, так его зовут. Поговорили о том о сем. Пошли в кабак «Русский лес» – не на улице же или в какой-нибудь рыгаловке событие отмечать. А я давно в этом «Лесу» не был. Как зашли, так я и охренел. Не кабак, а черт-те что. Музыка гремит похлеще «Ту-22» на взлете, из посетителей либо мужики в дорогих костюмах, с перстнями и браслетами на руках, либо молодежь бесноватая. Официантки в мини-юбках, длинноногие, сисястые, как на подбор. А главное – посреди зала помост. На нем шест до потолка, а вокруг шеста голая девица такие кренделя выделывает, что охренеть! И, в натуре, вся голая.

– Что, и без трусов? – спросил Чудин.

– Сказал же, голая! То задницу отставит, то ногу задерет, так что все видно. Имею в виду интимное место. Выбритое до блеска. Я Игорьку – пойдем, мол, отсюда; а он ни в какую, говорит – ты в своем гарнизоне совсем от жизни отстал. А жизнь, мол, вот она. Новая жизнь.

Штурман рассмеялся:

– Дорого бы я дал посмотреть на твою, Витя, физиономию, когда перед ней голая девица задницей вертела!

– А ты ничего не увидел бы. Там прожектора на девку нацелены, а те, что освещают зал, мигают вспышками.

– Ну и что дальше?

– Дальше? Дальше официантка усадила нас за столик. Игорек заказ сделал. Коньяк, закуски всякой, фруктов. Вы знаете, я мало пью, а тут, чтобы в себя прийти и не чувствовать полным идиотом, лишнее принял. Весело стало. Потянуло в туалет. Пошел. Когда вернулся, за нашим столиком две размалеванные дамочки сидят. Игорек чего-то им втирает, они ржут, как лошади.

– Дамочки-то, наверное, красивые? – поинтересовался командир экипажа.

– Не то слово! Прически пышные, вразлет. Одна блондинка, другая брюнетка, сиськи в два моих кулака, на виду, только сосков не видать, ноги в черных чулках, но и ляжки видны, так как вместо юбок – узкие полоски кожи. Охренеть, одним словом. Мне бы свалить оттуда, но коньяк все в башке перемешал. Сел на свое место. Блондинка ко мне. Спрашивает, как насчет того, чтобы расслабиться по полной? С защитника Родины, мол, много не возьмет. Скидку сделает. А Игорек еще наливает. Пошел вразнос. Что дальше было, помню плохо: пили, танцевали, курить выходили... В общем, все как в тумане. Потом на улицу вышли. Игорек такси подзывает, а тут из-за угла от пятиэтажки парочка выходит. И – мне: Будинов, ты? Пригляделся и протрезвел: зампотех батальона обеспечения с женой! Он меня и окликнул. А я бухой в хлам, под боком шлюха, и такси подваливает. Картина Репина. А вы ж знаете Марину, жену зампотеха: ей только попадись, а уж она позаботится, чтобы сплетни городок паутиной накрыли!

– И ты что, сел в такси и укатил с другом и девочками? – поинтересовался штурман.

– В том-то и дело. Не сообразил сразу, что остаться надо было да с зампотехом и женой его в городок ехать. Сел в тачку. И только возле отеля мозги врубались. Отвязался по-быстрому от Игорька и шлюх, двинул на остановку. А как домой приехал – маршрутку еще где-то полчаса ждал, – так моя уже все знает.

Курдин удивился:

– Не понял, Маринка сразу к твоей, что ли, двинула?

– Нет... Моя пекинеса нашего прогуливала, а тут зампотех с женой и подкатил. Ну, Марина и не пожалела красок описать, где и с кем они с мужем меня видели. Капитан, козел, подтвердил.

– А что ты хотел, она его крепко каблуком прижала! Без жены Кошкин никуда...

– Ну, твоя, Витя, и отыгралась, как встретила муженька, так?

– Если бы так! Было бы легче... Молчком встретила. В глазах слезы. И ни слова. Ушла в спальню, закрылась и до утра плакала. Слышал! Мне пришлось в зале на диване обустроиваться. И чувствовал я себя, мужики, последним подлецом, хотя ничего ведь особого не сделал. Ольге не изменил, а то, что по пьянке с бабами в кабаке танцевал, так это ерунда. Тем более всего один-единственный раз. И все равно чувствовал себя хреново, особенно утром.

– Да, утром хуже всего. А если вдобавок и не помнишь половины из того, что начудил накануне, то вообще вилы. Но перед вылетом-то помирился с женой?

– Помирился. Попросил выслушать. Рассказал все, как было. Поняла.

– Повезло тебе с супругой, Витя. Где бы мне такую найти? – вздохнул штурман.

Курдин усмехнулся:

– Ну уж точно не среди того контингента, с кем ты развлекаешься.

– Согласен, но не сидеть же мне монахом в городке? А обхаживать жен офицеров считаю последним делом. Хотя у нас немало таких, что не против гульнуть на стороне. Но для меня это запаadlo. А потому и снимаю девочек в городе. Вот только любовь как-то не завязывается, знакомство все больше заканчивается сексом безо всяких там комплексов и эмоций. Трахнулись – разбежались.

– Погоди, но была же у тебя учительница? Ты и в городок на Новый год ее приглашал. Помню, миниатюрная такая, стройная женщина. Симпатичная.

– Была! Да вся вышла. Нет, можно было, конечно, с ней и по-серьезному – кстати, она как раз и хотела создать семью, но... слишком уж пресной оказалась училка. И все вроде при ней, и умная, и чисто плотная, в хате ни пылинки, цветочки в горшочках, сама ухоженная, начитанная, вкус отменный – а вот чего-то не хватало.

– И чего же тебе еще не хватало? – спросил радист.

– Не знаю, Витя, как объяснить... Одно слово и нахожу – пресная. Не было в ней того, что зажигает и сжигает дотла. Слишком уж все правильно. Скучно.

– Ну, конечно, тебе покой противопоказан. Подавай авантюристок! Вот с ними не скучно!

– Да, представь себе, не скучно. Да и жениться я не собираюсь. Успею хомут на шею надеть.

– Успеешь, конечно, только тогда такой, как учительница, рядом может и не оказаться. Но, ладно. Штурман, что у нас с курсом? – закруглил обсуждение командир.

– Курс 135 градусов, командир! – доложил Захарченко.

– Курс 135 градусов, – повторил Курдин и вновь обернулся к бортинженеру:

– Так ты, Андрюша, не сказал боевым товарищам, скоро ли на твоей свадьбе гулять будем?

Чудин улыбнулся:

– Думал, обо мне забыли.

– И не надейся!

– Да вижу! По свадьбе скажу вот что: решили мы с Лизой подать заявление в загс сразу после этой командировки. А уж свадьбу сыграть, когда распишут, – в загсе таких, как мы, очередь на месяц вперед.

Слово подал офицер по парашютно-десантному оборудованию, старший лейтенант Полузин:

– Могу подсобить, Андрей!

– И чем же ты можешь подсобить, Вова?

– Тем, что распишут тебя с Лизой в любой удобный для вас день.

– Ты что, по совместительству в администрации города подрабатываешь?

– Я – нет, а вот одна моя очень хорошая знакомая – да! И занимает весьма высокую должность.

Чудин обратился к Курдину:

– Командир, нет, ты слышал? Наш скромный Вова водит знакомства с высокопоставленными дамами!

Майор пожал плечами:

– Ну и что? Разве офицер Российской армии не достоин внимания дамы из высшего общества? Когда-то эти дамы выходили замуж только за офицеров. Правда, это было давно, и даже прапорщик котировался достаточно высоко.

– И имел жалование, не сравнимое с нашим, – добавил Чудин. – А также дворянский титул. Но Вова не дворянин, не граф, не князь, и зарплата у него раз в пять меньше зарплаты мелкого клерка из той же администрации.

Старший лейтенант прервал диалог командира корабля с бортинженером:

– Ну при чем тут зарплата? Что вы на деньгах заикливаетесь? Не в них счастье. Это же догма! И что такого в том, что я знаком с милой молодой женщиной, которая работает в администрации города?

– Уж не собираешься ли и ты жениться, Вова?

– Всему свое время!

Захарченко поднял указательный палец правой руки вверх:

– Вот! Слова не мальчика, но мужа! Всему свое время!

– Так помочь ускорить события, Андрюх? – спросил бортинженера Полузин.

– Поговорим по возвращении!

– Добро.

В кабине наступило молчание.

Командир взглянул на часы. Проговорил:

– 18.20. Однако!

За разговорами незаметно пролетели почти два с половиной часа полета. По докладам членов экипажа, все системы функционировали в штатном режиме, параметры выдерживались в полном соответствии с полетным заданием. Скоро уже начинать снижение для промежуточ-

ной посадки на аэродроме российской военной базы в Таджикистане. А далее – второй этап перелета Переслав – Джайлиер. Полет проходил нормально, ничего не предвещало беды. А она, как хитрая голодная лиса, с каждой секундой подкрадывалась все ближе, и ничто не могло остановить ее...

Трагедия грянула в 22.20 по местному времени докладом штурмана:

– Командир, мы уходим с курса!

Это было неожиданно.

– В чем дело, штурман?

– Скорее всего нарушение работы курсовой системы.

– Перейти на дублирующую систему! Радист, связь с землей! – приказал Курдин.

Доклад Будинова стал еще большей неожиданностью:

– Командир! Связи нет!

– Что это значит?

– Одно, Сергей Анатольевич: мы находимся вне зоны ответственности за воздушное движение.

– Черт! Но это означает, что самолет вышел за пределы воздушного пространства России и стран СНГ? Штурман! Что показывает дублирующая курсовая система?

– Отклонение от заданного курса на 40 градусов. Мы идем на юг!

– На юг? Но какого черта? Как это могло произойти?

– Основная курсовая система дала сбой. Это очевидно, – ответил Захарченко.

– Но автопилот?

– А что автопилот? Двойной сбой! Это очень редко, но случается.

Командир корабля отключил автопилот. Тут же прошел еще один доклад штурмана:

– Командир! В это трудно поверить, но и дублирующая курсовая система вышла из строя.

– Да что происходит? Влияние извне? Но это невозможно. Разворачиваем самолет. Внимание экипажу! Разворот на 180°. Главное – вернуться в свое воздушное пространство и восстановить связь с землей! Ориентируемся по звездам. Где Полярная звезда?

– Сзади! Мы идем на юг.

– На юг? Но там Афганистан?

– К сожалению, это так!

– Немедленный разворот на 180 градусов, – приказал командир. – Сейчас главное – вернуться в свое воздушное пространство.

– И это невозможно! – выкрикнул помощник.

– Что?

– Потеря управления.

– Бортинженер?

– У нас все по очереди выходит из строя.

– Черт, теряем высоту! Полузин?

– Слушаю, командир! – отозвался офицер по оборудованию.

– В десантный отсек! Подготовить к сбросу два крайних контейнера!

– Есть!

Старший лейтенант Полузин покинул пилотскую кабину. Вскоре доложил:

– Командир, лебедки не работают, в отсеке задымление, где-то горит проводка.

– Где?

– Не знаю.

– Слушай сюда, Вова! Я открою рампу, столкни груз вручную! Один справишься?

– Справлюсь!

– Работай!

Через несколько минут офицер по оборудованию доложил:

– Груз вышел, командир!

– Рампа закрылась?

– Так точно!

– Возвращайся!

Командир взглянул на приборы:

– Скорость восемьдесят, высота пять тысяч метров. Включаем сигнал бедствия, экипажу приготовиться покинуть борт. Первыми прыгают Будинов и Полузин, за ними Чудин, Захарченко и Давыдов. На земле ищем друг друга, используя переносные радиостанции, короткими сигналами. Ракеты использовать в крайнем случае. Высота 4200, скорость прежняя. Будинов и Полузин, пошли!

Радист и офицер по оборудованию покинули кабину.

Последним в черную бездну и неизвестность шагнул командир экипажа. Опускаясь на парашюте, он видел вспышку в горах. «Ил-76» рухнул в какое-то ущелье.

Курдин приземлился на плато у небольшой рощи. Отстегнул парашют, оставив при себе НАЗ – неприкосновенный авиационный запас. Ветра не было, майор собрал купол и стропы в кучу, осмотревшись, бросил снаряжение в яму за земляным валуном. Достал пистолет, перевернул затвор, загнав патрон в патронник. Взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали 21.07 по Москве. Значит, если катастрофа произошла над Афганистаном, местное время 23.07. Почти полночь. Курдин извлек радиостанцию и вызвал помощника, который должен был приземлиться метрах в трехстах–двухстах пятидесяти от него:

– Второй! Я – Первый! Как слышишь, прием!

– Слышу тебя, командир! – ответил капитан Давыдов.

– Ты в порядке?

– Не считая того, что угодил в колючие кусты, в порядке!

– Обозначь координаты!

– Рядом слева холм, на нем одинокое дерево.

– Вижу. Жди, подойду!

Курдин хотел переключиться на штурмана, но услышал сзади шорох. Резко обернулся. И тут же в глазах майора вспыхнули искры. Он упал на камни. Почувствовал, как лба коснулось что-то металлическое и холодное. Открыл глаза. Над ним стоял мужчина в афганской одежде, приставив ко лбу ствол автомата. Майора окружили такие же вооруженные бородатые мужчины. Афганец, державший летчика на прицеле, спросил на неожиданно сносном русском языке:

– Ты кто?

– Командир экипажа самолета, потерпевшего крушение.

– И куда же ты летел, командир самолета?

– В Индию.

Афганцы переглянулись. Державший Курдина на прицеле усмехнулся:

– Странный маршрут ты выбрал...

И приказал молодому соотечественнику:

– Али, обыщи его!

Так как рейс не предусматривал пролет опасных зон, члены экипажа не сдали в полку документы и жетоны, не сняли с формы знаки отличия. Молодой афганец сначала передал своему командиру пистолет Курдина, изъяв и запасной магазин, затем нож-пилу из кармана правой брючины комбинезона, а затем документы. Старший афганец убрал автомат, забросив его на плечо, включил фонарь, открыл удостоверение личности. Пролистал документ:

– Значит, майор Курдин? Войсковая часть №...?

– Да.

– Командир «Ил-76»?

– Да.

– Видели, как он падал. В Карбанское ущелье. Еще немного – и ваш самолет уничтожил бы кишлак Карбан. Тогда плохо бы было! Где дислоцируется войсковая часть №...?

– Далеко отсюда!

Афганец ударил носком американского ботинка по ребрам командира погибшего воздушного судна:

– Не хочешь по-хорошему, гяур? Будет по-плохому!

– Ты знаешь, кто я, я же не знаю, кто ты. Какой между нами может быть разговор?

– Желаете узнать, кто я? Хоп, но не думаю, что это тебя обрадует.

– А что вообще теперь может обрадовать? Единственно, выдача российским властям.

– О! Это вряд ли... Хоп, я Мохаммед Бахтияр, один из заместителей известного полевого командира Хизаята Тургая, слышал о таком?

– Нет.

– Теперь не только услышишь, но и узнаешь. Тургай входит в руководство движением «Талибан» в Афганистане.

Курдин помрачнел:

– Вот оно что! Значит, мы на территории, подконтрольной талибам?

– Воистину так! Это наша территория, и неверным здесь не место! Будь то американцы, европейцы или русские.

– Да, тогда ты прав, на родину скорее всего вернуться не придется...

– Ты думай, как выжить, майор. Сейчас именно это больше всего должно тебя волновать. Но хватит болтовни. С кем ты говорил по рации? Хотя можешь не отвечать, я знаю, что ты вызывал своих подчиненных. Ведь их разнесло на несколько километров при десантировании?

Главарь банды обратился к молодому моджахеду:

– Али! Передай-ка мне радиостанцию пилота.

Парень подчинился. Бахтияр осмотрел рацию, перевел взгляд на Курдина, спросил:

– С кем успел переговорить, майор?

– Ни с кем!

Второй удар по ребрам вызвал сильную боль.

– Предупреждаю, скотина, не следует говорить со мной таким тоном, тем более лгать.

Повторяю вопрос: с кем успел переговорить?

Командир корабля понял, что отпираться бесполезно.

– С помощником.

– Где он находится?

Ответить Курдин не успел. Японская радиостанция бандита пропищала сигналом вызова.

Бахтияр ответил:

– Слушаю! ... Да? И где? ... Ясно! Он цел? ... Это пустяки. Тащите его сюда, на плато.

Он отключил станцию, взглянул на Курдина:

– Мои люди нашли второго пилота. Он запутался стропами в кустах. Ободрал морду, в остальном цел. Сейчас его освободят и доставят сюда, а ты, майор, по очереди вызовешь всех остальных членов экипажа. Обозначишь свои координаты, прикажешь идти на плато. И не глупи. Летчикам все равно отсюда не выбраться. Помощи ждать неоткуда. Пищи и воды им хватит максимум на четверо-пятеро суток, потом мучительная смерть. Ты же не хочешь, чтобы твои люди погибли?

– Не хочу, но кто знает, возможно, смерть от жажды и голода лучше вашего плена.

– Смерть не может быть лучше жизни, если, конечно, смерть не принята на поле боя. Впрочем, мы не дадим твоим подчиненным подохнуть. У меня хватит людей прочесать район и найти пилотов. Что задумался, майор? Думаешь, как будешь смотреть в глаза членам экипажа, когда те выйдут к нам? А ты предупреди их!

Курдин с удивлением взглянул на моджахеда:

– Предупредить?

– Да! Передай открытым текстом, что попал к талибам. Что взят в плен и твой помощник. Предложи сдаться. Или даже не так! Обрисуй обстановку, объясни, что ждет их в горах, и оставь выбор за каждым из летчиков. Кто придет добровольно, тому гарантирую жизнь и в дальнейшем нормальное содержание. А возможно – повторяю, возможно, – и освобождение. Я не могу знать, какое решение по вам примет Тургай. Не исключено, что передаст вашим либо за деньги, либо за оружие. Тот же, кто решит попытаться уйти, будет задержан силой. А при оказании сопротивления – убит на месте. Пусть твои подчиненные сами решат свою судьбу!

Осознавая, что иного выхода нет, Курдин согласился:

– Хорошо, передайте мне радиостанцию.

На вызов ответили все члены экипажа. К счастью, никто из них не пострадал во время прыжка с гибнущего лайнера. И разброс был невелик – два километра двести метров. Переговоры длились недолго. Летчики приняли решение разделить судьбу командира и его помощника. Да у них и не было другого выхода. Либо плен, либо неминуемая и мучительная гибель в чужих, вражеских горах. А плен оставлял пусть слабую, но все же надежду на спасение. Члены экипажа обозначили свои координаты и сообщили о начале выдвижения к плато. Довольный данным решением, главарь банды приказал одному из своих подчиненных встретить выходящих к плато пилотов, запретив применять к ним насилие. После чего отошел к скалистому холму, от которого начинался перевал, и по специальной, мощной радиостанции вызвал полевого командира Хизаята Тургая. Тот, несмотря на ночное время, ответил сам:

– Да, Мохаммед?

– Прими доклад, саиб! Мы взяли практически весь экипаж рухнувшего в Карбанское ущелье русского десантного самолета «Ил-76».

– Что значит «практически»?

– Мы задержали командира корабля. Он приземлился прямо на плато, куда мы вышли, выполняя твой приказ по поимке беглеца Рафшана.

– Дальше?

– Командир, используя персональную рацию, переговорил с остальными членами экипажа, кроме второго пилота, которого также задержали мои люди. Летуны решили сдаться, сейчас идут к плато. Я выслал навстречу людей и лошадей.

– Что перевозил самолет, командир экипажа сказал?

– Нет. Только то, что летели русские в Индию.

Хизаят, как и Мохаммед ранее, удивился:

– Куда? В Индию? Как же они оказались в южном Афганистане?

– Как я понял, у них отказали чуть ли не все системы на самолете. Они отклонились от курса, начали падать. Командир приказал прыгать. Но конкретно по этому вопросу я майора не допрашивал.

– Хоп, Мохаммед! Ты молодец. У тебя в группе два джипа?

– Да, саиб!

– В экипаже сколько человек?

– Минуту! – Бахтияр крикнул Курдину: – Майор! Сколько человек в экипаже?

– Со мной шестеро.

– Шесть человек, командир!

– Шесть, да? Сажай их в грузовой отсек «Навары» и под охраной отправляй в Галистан. Здесь их встретит Ахмади. Разместит летчиков в подвале, а утром я лично допрошу их. Как понял меня, Мохаммед?

– Понял, саиб! Один вопрос: мне самому доставить русских в Галистан?

– Нет! Пошли помощника. Сам же ищи Рафшана. Этот подонок не мог далеко уйти. Скорее всего прячется в родном кишлаке Карбан или где-нибудь неподалеку. Тряхните его семью, при необходимости действуй жестко. Заодно осмотри место падения русского самолета. Ведь он рухнул недалеко от Карбана в ущелье?

– Да, сайб!

– Вот видишь, сколько у тебя работы. Главное – поймать Рафшана. Предатель должен быть наказан, жестоко наказан, иначе нас перестанут бояться наши же воины. А это конец власти, хаос и смерть! Ты хочешь умереть, Мохаммед?

– Нет, сайб! Только за веру!

– За веру еще успеешь. Действуй!

Бахтияр отключил радиостанцию. Подозвал к себе пожилого бородача:

– Ахмед, как только соберется русский экипаж, посадишь его в грузовой отсек «Навары». Возьмешь водителя и одного охранника и повезешь пленных в резиденцию Тургая. В Галистане тебя встретит Ахмади. Передашь русских помощнику Хизаята. Понял?

– Да, а что мне делать потом?

– Свяжешься со мной, я все объясню. Хотя, возможно, ты мне здесь не понадобишься. Только плакай.

– Хоп, командир! Русских связать на время перевозки?

– На твое усмотрение. Бежать им некуда, а там – шайтан знает этих русских. Они способны на любые безрассудные поступки, хотя до настоящего момента вроде проявляют благоразумие.

– Сейчас они благоразумны, а на марше могут напасть на охрану. Их действия непредсказуемы. Это же не американцы, это русские...

– Ты прав. Поэтому я и разрешаю тебе поступать по своему усмотрению, но пленные должны быть доставлены в Галистан целыми и невредимыми!

В 0.40 воскресенья, 15 июня, все члены экипажа собрались на плато. Кто пришел сам, ориентируясь по координатам, переданным командиром корабля, кого привели или привезли талибы.

Бахтияр передал российских офицеров бородачу:

– Забирай «гостей», Ахмед, вези к Тургаю, мы идем к Карбану!

Бородач кивнул. Он не говорил по-русски. Указал на пикап «Ниссан Навара».

– Похоже, нас приглашают в автомобиль, – проговорил Курдин.

– В грузовой отсек! – добавил штурман.

– Все лучше, чем в открытом кузове, вот только поместимся ли мы там все? – отозвался связист.

– А куда деваться?

– Да, деваться некуда. Вот и накрылась свадьба нашего бортинженера... И помощь Вовы Полузина не потребовалась. Сколько нам теперь придется торчать здесь? Недельку? Месяц? Годы? Или так и останемся навсегда в этом богом проклятом Афганистане? И надо же такому случиться, что именно сюда занесла нелегкая! В любой другой стране освободили бы. Нет, надо было в Афган залететь!

Командир посмотрел на связиста:

– Ты бы помолчал, прапорщик! Сигнал бедствия не мог быть не принят радаром хотя бы тех же американцев или их союзников по коалиции. Да и нашим известно, где мы упали. Катастрофу со спутника зафиксировали. Так что не все потеряно. Нас не бросят. Вытащат.

– Кто, командир? – вздохнул Будинов.

– Наши! Только смотрите, обращаюсь ко всем! О сброшенных контейнерах моджахедам ни слова. Это приказ!

– А если кто-нибудь из местных видел подрывы этих контейнеров? – спросил Захарченко.

– Даже если кто-то что-то и видел в ночном небе, нас это не касается. Мы перевозили груз, документы на который сохранились в моем планшете. Больше в десантном отсеке ничего не было. Да и не могли мы ничего сбросить из-за невозможности открыть рампу. Ясно?

Офицеры утвердительно кивнули.

Переговоры пилотов явно не понравились бородачу. Он закричал на летчиков, угрожая автоматом и одновременно указывая стволом «АК-74» на открытую дверку скошенного грузового отсека. С трудом, но экипаж уместился в нем. Курдину оказали честь, посадили в салон. «Ниссан» пошел на юг, петляя по извилистой горной дороге.

Ехали чуть больше часа, из чего следовало, что от плато до крупного кишлака Галистан, как его называли талибы, было километров пятьдесят.

В 2.05 полноприводный и проходимый японский пикап въехал на территорию усадьбы, стоящей на окраине селения. На мощенном камнем дворе у топчана пикап остановился. Охранники вышли из сторожки. Из дома появился мужчина в дорогом шелковом халате. Старший конвоя, бородач Ахмед, подбежал к нему, поклонился, доложив:

– Русские летчики доставлены, саиб!

Помощник Тургая, Ахмад Ахмади, кивнув, приказал:

– Вывести их из машины и построить в шеренгу!

Бородач метнулся к «Ниссану», жестом показывая, чтобы летчики покинули пикап. Экипаж Курдина подчинился. Командир понял, что надо построиться, отдал соответствующую команду. Летчики встали в шеренгу. Заместитель полевого командира подошел к Курдину. Спросил по-русски:

– Ты командир экипажа?

– Я. Майор российских ВВС Курдин Сергей Анатольевич, командир экипажа десантного самолета «Ил-76». Совершали плановый перелет из России в Индию. Во время полета основные системы управления воздушным судном вышли из строя, самолет сбился с курса и оказался в воздушном пространстве Афганистана. Сложилась ситуация, при которой продолжать полет мы не могли, и мной был отдан приказ экипажу покинуть борт. Я прошу вас немедленно связаться с российским посольством в Кабуле...

Ахмади рассмеялся. Затем, резко оборвав смех, сказал:

– Ты, майор, сейчас можешь просить меня лишь об одном: о том, чтобы я не отдал приказ немедленно расстрелять вас. И ни о чем больше! Впрочем, и об этом просить не надо. Вашу судьбу будет решать господин Хизаят Тургай.

Помощник полевого командира обернулся к стоявшему сзади афганцу, приказал:

– В подвал арестантского сарая их! Туда же матрацы, подушки, ведро для испражнений, по половине лепешки каждому и кувшин воды на всех. Лестницу поднять, решетку люка на замок. К люку охрану! Ясно?

– Да, господин!

Ахмади перевел взгляд на Курдина:

– Приятно провести вам, майор, остаток ночи – возможно, последней в жизни!

Глава 2

Ближнее Подмосковье. Секретный военный городок размещения офицеров спецслужб и членов их семей.

Воскресенье, 15 июня. 6 часов 30 минут

Сигналы сотового телефона заместителя начальника отдела спецмероприятий и одновременно командира боевой группы специального назначения «Орион» Главного управления по борьбе с терроризмом прозвучали в тишине спальни словно выстрелы. Полковник Тимохин нащупал трубку. Проснулась и супруга Татьяна, сонно спросив:

– Опять, наверное, Крымов?

– Сейчас посмотрим, кому это я до подъема понадобился. О! Шепель, не понял?!

Майор Михаил Шепель являлся офицером группы.

– Слушаю тебя, беспокойная душа!

Шепель закричал в трубку так, что даже Татьяна слышала:

– Саня?! Праздник у меня! Сын родился! Понимаешь... сын!!!

И только сейчас командир группы вспомнил, что Шепелю был предоставлен кратковременный отпуск, после того как супругу Валентину отвезли в один из городских роддомов.

– Да что ты? Когда?

– В 6.10! Я пока туда-сюда, решил с тобой радостью поделиться!

– Поздравляю, Миша! Как сын? Валентина? Вот и Татьяна передает поздравления.

– Ага! Спасибо! Валентина ничего, в порядке, слаба еще, но родила без особых проблем. А пацан – богатырь, пятьдесят девять сантиметров ростом и весом под четыре кило, три девятьсот, понял?

– Да, действительно богатырь. И как он себя чувствует?

– Спит! Его унесли, Валю в бокс какой-то перевезли – ну а я в коридор.

– Кто тебя туда пропустил?

– Хороший вопрос, командир. А кто меня туда мог не пропустить?

– Тоже верно. Ты, чувствую, уже успел отметить событие?

– Ты что, через трубку запах просекаешь?

– По голосу слышу!

– Отметил слегка... Полпузыря вискаря опорожнил после ожидания тягостного. Я ж всю ночь тут шаркался, ждал. Не спал ни хрена. На нервах был. Сейчас только и отпустило. А ощущение такое, что... короче, словами не передать. Кайф!

– Понятно! Спиртным не увлекайся, а то перегреешься и начнешь в роддоме порядки армейские наводить.

– Да ладно, Саня! Че мне с какого-то вискаря будет? Спирт – другое дело. А это пойло – хрень натуральная.

Тимохин, подумав, сказал:

– Так, Миша, что-то подсказывает мне: если тебя не убрать из роддома, то там на уши все встанет. И это в лучшем случае. И ведь рожать не только Валентине. Созвонюсь с Крымом, и пошлем-ка мы к тебе пару ребят... Так спокойней будет!

– Во! Самое верное решение! А то и выпить не с кем! – воскликнул Шепель.

– Ты мне это прекрати! Отметим рождение сына в городке, всей группировкой, в клубе, чин по чину. В городе же никаких пьянок, ты понял меня?

– Так точно, командир! Вы с Крымом ко мне Кима с Дроздом пришлите, ладно?

– Это уж позволю нам решать!

– Позволяю, но прошу. А сегодня мне отказывать нельзя, не положено, я же – ты только представь, Саня – отцом стал!

– Ладно! Находишься в роддоме, но персонал не доставай. Кстати, ты родителям жены новость сообщил?

– А как же! Должны вот-вот подъехать.

– Это хорошо. Тесть тебе особо разгуляться не даст.

– Ну, конечно! Тормоз еще тот! В общем, я жду ребят, а ты с клубом реши вопрос? Пойло и закуску привезу из города. И еще, командир, тачку держать на стреме? Или служебный автомобиль вышлешь?

– Служебный! А то додумаешься на такси в городок явиться. Все, Миш! Еще раз поздравляю! Жди ребят. Да, погоди, роддом-то какой?

– №...

– Понял! До встречи, папаша!

Тимохин отключил телефон, повернулся к жене:

– У Шепеля сын родился!

Татьяна улыбнулась:

– Слышала. Рада за них. Отмечать вечером, как всегда, в мужской компании будете?

– Наверное! Но там посмотрим. Позвоню Крыму, надо к Мишке ребят послать, а то он с радости может весь роддом разнести.

Александр набрал номер начальника отдела специальных мероприятий Управления.

Крымов ответил недовольным голосом:

– Ну что у тебя с ранья, Саня? Очередного карпа вытащил?

– Я не пошел сегодня на рыбалку.

– Вот как? Заболел?

– Нет, дома дела есть.

– Тогда чего звонишь?

– У Шепеля сын родился!

– Да? Когда?

– Да только что звонил.

– Это хорошо! Радует, наверное, Миша без предела?

– Не то слово! Слишком радуется. Думаю, не мешает пару ребят к нему послать, а то пойдет вразнос Шепель – не остановишь. Он уже сейчас подшофе! Но еще в себе.

– Счастье и без водки пьянит!

– Он не водку, он виски там жрет...

– Все равно. Послать людей к нему предлагаешь? В принципе не помешает. И кого?

– Капитанов Кима и Дрозденко на служебной «Волге».

– Ты с ними уже говорил?

– Нет, без тебя я подобные вопросы решать не имею права.

– Ладно. Согласен. Посылай Кима и Дрозденко, только проинструктируй их!

– Обязательно.

– С машиной сам разберись.

– Конечно.

– Вечером пьем?

– Положено!

Крымов вздохнул:

– Положено. Придется разрешение у начальника управления спрашивать...

– Давай я свяжусь с Феофановым.

– Нет, сам переговорю, а вот все организационные вопросы на тебе.

– Понял! У меня тут Татьяна спрашивает: собираемся, как обычно, мужской компанией?

– Можно и с женами. Как мужики решат.

Александр позвонил капитанам Киму и Дрозденко. Те с радостью согласились поехать к боевому товарищу. Инструктаж слушали рассеянно, вопросов не задавали.

В 8.00 служебная «Волга», обслуживающая нужды офицеров Управления, выехала за пределы закрытого военного городка и пошла в сторону шоссе, ведущего в столицу. А в 8.50 майор Шепель встретил боевых друзей у ворот ограждения родильного дома №... Ким и Дрозденко от души поздравили Шепеля с рождением сына, тут же у ворот пропустили по стаканчику виски, грубо нарушая инструкции Тимохина. Впрочем, офицеры и не собирались исполнять какие-либо инструкции. Не тот случай! Оставив «Волгу» у ворот под запрещающим стоянку дорожным знаком, друзья прошли к роддому. Там встретились с родителями Валентины. Тесть негативно отнесся к тому, что зять уже изрядно выпил, но, зная его своенравный, неподавляемый характер, решил промолчать. Теща сказала, что до вечера здесь делать нечего, и пригласила офицеров домой. Но Шепель отказался:

– Нет, мама, сейчас я в четырех стенах находиться не могу, даже если эти стены разнесены на сотни метров. Сейчас душа на волю рвется. Простору хочется. Поэтому вы с отцом езжайте домой, а я с друзьями прогуляюсь. Вечером созвонимся. Но ночевать буду в городке. Мне сегодня еще проставляться. Таков порядок. Так что буду в роддоме завтра утром. Но, короче, созвонимся. Пошли, мужики!

Офицеры вышли за ворота.

– Что делать будем? – спросил Ким.

– Как это что? – воскликнул новоиспеченный отец. – В кабак пойдем. Есть тут один, небольшой, но уютный, в скверике через квартал.

– Тимохин предупреждал, чтобы в городе никаких пьянок: затариться пойлом, закуской, помочь, если надо, – и в городок, – сказал Дрозденко.

Шепель взглянул на друга:

– Да, Саныч, это он для порядку предупредил. Что, он так и сказал бы тебе – мол, гуляйте, ребята? Не мог он этого сказать, потому как по должности не положено. Но ты сам подумай, стал бы он отпускать вас, если бы не знал, что мы обязательно обмоем рождение сына? Хрена с два. Приказал бы мне провести затарку и прибыть в часть. Однако Тимохин отправляет вас ко мне – по моей, кстати просьбе, – согласовывая этот вопрос с Крымом. И не в хлам же мы нажремся! Посидим просто, бросим на грудь граммов по триста–триста пятьдесят и поедем по магазинам.

Дрозденко посмотрел на Кима:

– Что скажешь, Леня?

– А чего говорить? Пошли в кабак, пока есть такая возможность.

Шепель приобнял друга:

– Вот это я понимаю, разумный подход к делу.

– Тачку брать будем?

– Зачем? Говорю же, тут квартал всего пройти, в скверике кабак. Хотя кабак – сильно сказано, но кафешка довольно приличная. И работает круглосуточно.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил Ким.

– Да я здесь всю округу пешком прошел! То фрукты жене купить, то лекарств каких, бинтов, то цветы. Каждый день передавал.

Дрозденко улыбнулся:

– Достал, наверное, весь персонал данного медицинского учреждения.

– Так я и персонал без внимания не оставлял! Но ладно, хорош базарить, пойдем.

Ким попридержал Шепеля:

– погоди, я водителя предупрежу.

– Пусть машину переставит, под знаком стоит. Куда-нибудь во двор!

– А потом мы его по этим дворам искать будем? Нет уж, пусть стоит, где стоит. От ментов отобьется, а остальным до него дела нет.

Капитан группы «Мираж» прошел к «Волге», недолго переговорил с водителем, вернулся к друзьям. Офицеры направились к скверу.

Кафе действительно оказалось достаточно уютным. Внутри полумрак, стены отделаны под камень, большой аквариум с какой-то огромной рыбой рядом со стойкой бара. Спецы присели за крайний слева от входа столик на деревянные удобные стулья-кресла. К ним тут же подошел официант в строгой униформе, молодой парень лет двадцати пяти:

– Доброе утро, господа! Пожалуйста, меню!

Он положил перед Шепелем, интуитивно определив в нем старшего, красную папку.

Майор отодвинул ее в сторону, спросил парня:

– Тебя как зовут, уважаемый?

– Анатолий! На бейдже указаны и фамилия, и имя с отчеством!

– Ага. Только не прочитайте ни хрена на твоём бейдже, но ладно. Тут такое дело, Толик, у меня сегодня сын родился.

– Поздравляю!

– Спасибо. Так вот, у меня родился сын, и мы с друзьями решили отметить это событие. Посему давай-ка ты нам водки – пару бутылок по 0,7, хорошей водки, – закуски на свой выбор, но чтобы малосольные огурчики были, минералки на всех, да и пепельницу. Надеюсь, у вас тут курить не возбраняется?

– Нет, в этом зале курить можно.

– Ну и ладненько. На закуске не экономь. Но и цену не ломи, свои чаевые ты и без этого получишь.

Официант изобразил подобие легкого возмущения:

– Мы не берем чаевые.

– Конечно, какой разговор? – усмехнулся Шепель. – Ну, давай работай. Сначала водки с пепельницей принеси. Все остальное можно и потом.

– Хорошо! Один вопрос: горячее будете?

– Шашлык есть?

– Да, разный.

– По порции на каждого, обычного, из свинины.

– Понял.

Парень отошел от столика.

Ким проговорил:

– Не много заказал – почти полтора литра водки?

Шепель взглянул на друга:

– Ну ты чего, Леня? Когда это полторашки было много для трех спецов?

– Для двух. Ты уже прилично на взводе.

– А у меня сейчас такое состояние – чем больше пью, тем больше трезвею. Что происходит, сам не пойму.

– Родившееся вместе с ребенком чувство отцовства в тебе, майор, явилось допингом, который нейтрализует все другие вводимые внутрь веселящие вещества, – сказал Дрозденко.

Шепель взглянул на капитана:

– Ты сам-то понял, что сказал?

– Конечно! А ты нет?

– Тебе бы не по горам, Андрюша, за духами бегать, а преподавать где-нибудь философию!

Так студентам баки забьешь, за умного считать будут...

– Я, по-твоему, идиот?

– Заметь, Андрюша, я этого не говорил.

Официант принес бутылку водки, рюмки, минеральную воду, фужеры и пепельницу. Открыл бутылку, разлил по рюмкам и фужерам водку и минералку:

– Пожалуйста, господа!

Шепель потер руки:

– Оперативно работаешь, молодец!

– Я хотел посоветоваться насчет закуски.

– Погоди!

Майор поднял рюмку:

– Ну что, мужики, вздрогнули? За наследника!

– Давай!

Офицеры выпили. Михаил повернулся к официанту:

– Что там по закуске?

– Предлагаю салаты ...

Он перечислил названия, которых Шепель ранее не слышал.

– А попроще можно?

Парень объяснил, что входит в блюда.

– Неси овощной, – приказал Михаил.

– Хорошо, шашлык скоро будет готов. Вам в тарелки мясо разложить или подать на шампурках?

– В тарелки!

– Понял!

Толик незаметно удалился.

Офицеры отставили рюмки, разлили водку по фужерам. Бутылку уговорили в два приема. Вместе с шашлыком и салатами официант подал еще одну бутылку. Ее распечатал Ким. Выпили за тех, кто погиб, исполняя свой долг. Постепенно опьянели, особенно Шепель. Но держали себя в руках. Дрозденко отошел в туалет. И все закончилось бы спокойно, если бы в кафе внезапно не ворвалась девушка в разорванном от плеча до пояса коротеньком платье. Волосы ее были растрепаны, щека покраснела от сильной пощечины. Она закричала с порога:

– Кто-нибудь, пожалуйста, помогите, там... там, у кафе, избивают моего парня.

Шепель поставил фужер на стол:

– Ну не твою мать? И тут проблемы... Кто избивает твоего друга?

– Отморозки какие-то!

– И сильно бьют?

– Сильно! Вы можете?

– А куда ж деваться?! Пошли! Нет, Лень, – обратился майор к Киму, – не жизнь, в натуре, пошла, а непонятно что. Уже и расслабиться негде!

Девушка вскричала:

– Да быстрее вы, ведь убьют Леона!

– Леона? Он не русский что ли?

– Да какая разница?

Офицеры подались из кафе. За ними последовал официант, но остался на входе. Спецы же вышли на площадку, где четверо накачанных парней усердно молотили ногами сжавшегося на асфальте худощавого темнокожего парнишку.

– Эй, придурки, а ну отвалили от пацана! – крикнул Шепель.

Парни перестали бить жертву, двинулись на спецов, но их остановил властный голос мужчины, стоявшего неподалеку. Ухоженного, одетого в дорогой костюм мужчины:

– Стоять!

Один из парней обернулся:

– Шеф! Да что на этих алкашей смотреть? Отдайте команду, вместе с черным отоварим.

– Успеете.

«Костюм» подошел к Шепелю, спросил:

– Что тебе надо, мужик? В героя решил поиграть?

У майора задергалась щека – первый и верный признак того, что он приходит в ярость:

– А ты кто такой? Это по твоему приказу четверо бьют одного?

– По моему, и что?

– А то, что тебе лучше забрать своих придурков и по-быстрому слинять отсюда!

Мужчина рассмеялся:

– Ты никак угрожаешь мне?

– Предупреждаю!

Смех мужчины усилился. Заржали и парни.

– Да ты знаешь, червь, с кем разговариваешь?

Вот этого Шепель уже стерпеть не мог. И дело было не в выпитой водке, хотя и она, конечно, подогревала. В ответ на оскорбление майор нанес резкий удар головой прямо в физиономию респектабельного мужчины, разбивая нос и губы. Тот вскрикнул и, зажав окровавленное лицо руками, опустился на одно колено. Парень, что находился рядом, крикнул:

– Ах ты, сука! Шефа бить?

И ринулся на Шепеля.

Майор движением в сторону пропустил нападавшего к Киму, который встретил незадачливого бойца прямым ударом в переносицу. Парень отлетел к урне. Он находился в глубоком нокауте. Оставшиеся трое нападавших не сделали выводов из произошедшего и бросились на офицеров. Напрасно. Уже через секунды они лежали рядом со старшим, зажимая руками расквашенные физиономии.

Шепель осмотрел поле «битвы» и пошел к избитому парню, над которым склонилась девушка. Спросил у нее:

– Ну, как твой друг? Живой?

– Да! Спасибо! Вы успели вовремя!

Слева раздалась сирена милицейской машины. Шепель проговорил:

– А вот милиция совсем некстати. Ты ее вызвала?

– Нет. Либо персонал кафе, либо водитель отца...

– Кого?! – удивленно переспросил Майор.

– Отца! Мужчина, которого вы ударили головой в лицо, мой отец.

– Ни хрена кренделя! А пацаны, значит, его охрана?

– Да, что-то типа этого. Постоянно с ним везде ездят.

– Дела... А где машина отца?

– Где-то рядом. Не знаю. Он выследил нас.

– Понятно. «Скорая помощь» не нужна?

– Леону – нет, а на тех, – она указала головой на поднимающихся с трудом охранников, – мне плевать.

– На отца тоже?

– Он добился того, что заслужил.

– Да, чужая семья – потемки...

Шепель отошел от девушки и ее нерусского друга, подошел к мужчине. Тот попытался подняться. Пошатнулся и вновь опустился на колено. Проговорил разбитым ртом:

– Ты, сволочь, у меня на зоне сгниешь!

Шепель схватил мужчину за подбородок, резко поднял голову вверх:

– Хочешь еще и за сволочь получить? Так это я быстро организую, стручок козлячий!

В это время на площадку выехал милицейский «УАЗ». Из него выскочили трое милиционеров, старший лейтенант и два сержанта, вооруженные короткоствольными автоматами. Позади «УАЗа» остановилась черная «Волга». Из нее вышел полковник милиции.

Вооруженные сержанты обошли Шепеля и Кима. Один из них встал спиной к входной двери. Старший лейтенант, усердствуя перед начальником, закричал:

– Всем на землю, руки за голову, ноги в шпагат, быстро!

Офицеры спецназа и не подумали подчиняться. Шепель усмехнулся:

– Ты это кому, старлей?

Милиционер закричал громче:

– Тебе и твоему поделеньнику! На землю, сказано, иначе...

– Что иначе? Отдашь приказ открыть огонь на поражение?

– Сержанты! Оружие к бою!

Капитан Дрозденко, облегчившись, вымыл не спеша руки, посмотрев на себя в зеркало, умылся. Причесался. Поправил летний костюм, вышел в зал. Увидел пустой стол и испуганного официанта у стойки бара.

– В чем дело, Толик? Где мои друзья?

Официант указал на дверь:

– Там! Их милиция задержала.

– Что? Какая милиция? Что произошло?

– Понимаете, в кафе вбежала девушка, пока вы были в туалете, крикнула, что ее друга бьют. Обратилась к вашим друзьям за помощью. Они вышли. Я следом. Там четверо крепкой негра молотят. Ну, ваши и вмешались... В момент вырубил парней и мужика какого-то, который в драке не участвовал. А тут и милиция подскочила. Наряд.

– Кто ментов вызвал? Ты?

– Нет! Что вы? Наверное, кто-то из тех, кто бил негра.

– Понятно! Стой здесь и никому не звони. Разберемся.

Дрозденко прошел к двери. Приоткрыл ее. Увидел спину милиционера, державшего автомат на ремне через плечо, за милиционером – еще одного вооруженного автоматом сержанта, орущего старшего лейтенанта, стоявшего в стороне полковника милиции, мужчину в дорогом, испачканном кровью костюме с разбитой физиономией, четверых побитых парней. Услышал команду старшего лейтенанта:

– Сержанты! Автоматы к бою!

Поняв, что пора вмешаться, Дрозденко выдохнул воздух, ногой раскрыв дверь и взяв стоявшего спиной к кафе сержанта в захват, одновременно сорвав с плеча автомат. Бросив оружие, которое оказалось у Дрозденко, сержант схватился за руку капитана, сдавившую горло. Дрозденко же, перехватив «АКС-74У», направил ствол на второго сержанта:

– Брось волюну, парень! Мы офицеры боевой группировки Главного управления по борьбе с терроризмом. Любое движение будет расценено как непосредственная угроза, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Он перевел взгляд на полковника:

– Полковник! Отдай приказ своим людям разоружиться, иначе я покрошу вас здесь всех! Ну?

– Наряд! Выполнять распоряжение этого человека! – приказал полковник.

Второй сержант опустил автомат, старлей застегнул кобуру, из которой хотел вытащить штатный «ПМ».

Шепель кивнул, подошел к полковнику, развернул перед носом служебное удостоверение:

– Майор Шепель, ГУБТ!

Старший офицер милиции также представился:

– Полковник Некрасов, милиция общественной безопасности.

– Общественной? И кто для вас общество, полковник? Урод, который приказал своим отморозкам забить друга девушки? Если бы не мы, они его убили бы! И как быстро вы появились, полковник! Да еще лично... Сто против одного, мужик этот – твой кореш, а ты ехал сюда специально, чтобы отмазать его.

Полковник умел держать себя в руках. Ответил спокойно:

– Вы не правы, майор! Я оказался здесь случайно, наряд же вызвал водитель мужчины, которому вы разбили лицо. Состав наряда действовал согласно инструкции. А вот ваши действия незаконны. Более того, преступны. Невыполнение требований сотрудников милиции – уже преступление, я уж не говорю о захвате представителя правоохранительных органов в заложники. И об этом я доложу своему руководству. Не думаю, что данный инцидент останется для вас безнаказанным.

– Вот ты как запел? Докладывай! Только не забудь вызвать сюда следственно-оперативную группу для проведения необходимых мероприятий по факту покушения на убийство иностранного гражданина группой лиц под прикрытием пострадавших сотрудников правоохранительных органов. А я продублирую доклад своему командованию. Для тебя, полковник, данный инцидент закончится гораздо плачевней, чем для меня и моих друзей. Это я тебе гарантирую.

Полковник милиции нервно кусал губы. Он прекрасно знал, какими полномочиями наделены офицеры антитеррористической службы, и понимал, что, нагнетая обстановку, нанесет только вред себе. Он искал выход из создавшегося положения.

Но все испортили отпущенный Дрозденко сержант и получивший в морду респектабельный мужчина. Первый без разрешения и команды по радиостанции доложил о происшествии в дежурную часть отделения милиции, откуда информация пошла дальше, в главк и ГУБТ; второй же, не оценив обстановку, буквально набросился на полковника:

– Некрасов, мать твою, в чем дело? Почему ты не вызываешь ОМОН? Этих наглецов надо засадить в клетку и отделать по первое число! Ты видишь, что они сделали со мной и моими парнями? Что ты застыл? Действуй! За каким хреном я плачу вам ежемесячно по три ваших оклада?

Полковник обернулся, прошипев:

– Идиот!

Мужчина вздрогнул:

– Что ты сказал? Идиот? Я... идиот? Ты в своем уме, Некрасов?! Да я тебя завтра же вышибу из органов!..

Шепель рассмеялся, глядя на эту сцену:

– Ну что, полковник? Слил тебя корешок? Слил! По полной программе! Так что попал ты, сотрудник правоохранительных органов...

– Черта с два! – неожиданно выкрикнул Некрасов и повернулся к начальнику наряда: – Старший лейтенант! Задержать лиц, участвовавших в избиении гражданина иностранного государства. Вызвать на место преступления следственно-оперативную группу и «Скорую медицинскую помощь». Кафе закрыть!

«Костюм» не ожидал подобного развития событий.

– Ты что делаешь, Некрасов? Ты...

– Заткнись, Гаврилов! – гаркнул полковник и отдал очередной приказ старшему лейтенанту: – Организатора избиения также задержать. В наручники и в машину!

– Ну ты и ловкач, полковник! Ничего не скажешь! Одно слово – крыса! – покачал головой Шепель.

– Попрошу не оскорблять, майор!

Михаил изобразил удивление:

– Оскорблять? Кого? Тебя? Да это по определению невозможно!

К майору подошел Ким.

– Миш! Может, свалим, пока менты и бандиты тут меж собой грызться будут? Нам шум не нужен!

– Вызывай машину к скверу, я с девчонкой и пацаном быстро поговорю. Дрозд пусть территорию держит.

– Там мент, которого он прессанул, с кем-то по рации базарит...

– Да? И о чем?

– Хрен его знает!

– А вот это плохо. Но ладно, чую – все одно эту разборку не утаить. Просочится информация наверх. Другое дело, что нас по-серьезному взять будет не за что. Ступай!

– Ушел!

Шепель подошел к девушке, положившей голову парня-негра на колени, спросил:

– Как он?

– Держится. Мы все же «Скорую помощь» вызвали, но милиция быстрее подкатила.

– Так о ней твой отец позаботился.

– Сволочь.

– Что ты это так ласково об отце?

– Говорила же, заслужил.

– Тебя как зовут?

– Лариса.

– А парня? Хотя ты говорила – Леон.

Девушка кивнула:

– Да, Леон Ионг. Он из Камеруна. Мы в одном университете учимся. Дружим.

– А отцу это не понравилось, да?

– Да! У него, видите ли, для меня уже жених подобран, а мне, кроме Леона, никто не нужен. Хотела в общежитие перебраться, да разве он даст?

– Отец?

– А кто же?

– Отец у тебя, видать, не бедствует!

Лариса усмехнулась:

– Так бы всем бедствовать! Он банкир.

– Ну, тогда понятно!

Девушка посмотрела на Шепеля:

– Скажите, а вам ничего не будет?

– Не знаю. Скорее всего ничего не будет.

– Но если возникнут неприятности, то вот, – Лариса достала из сумочки визитку, протянула майору, – возьмите, я где угодно расскажу, как все было и что вы защищались.

– Свидетелем, значит, выступишь?

– Конечно! Вы же помогли нам? Без вас молодчики отца убили бы Леона.

Михаил покачал головой:

– Убить не убили бы, а покалечить могли.

Подъехала «Скорая помощь». Шепель отошел к кафе. Его сотовый телефон издал сигнал вызова. Михаил подумал, что это тесть или теща, и ответил:

– Слушаю вас!

Но услышал голос полковника Крымова:

– Шепель?

– А? Это ты, Крым, а я уж подумал...

Начальник отдела спецмероприятий не дал майору договорить:

– Ты еще можешь думать?

Михаил возмутился:

– А в чем дело, Крым? Что за тон?

– В чем дело? Это я хочу тебя спросить, в чем дело!? Тимохин предупреждал не пить?

– Ну не совсем, чтобы...

– Ребят запрещал поить?

– А кто кого напоил? Отметили рождение сына – и все. Да и то посидеть как следует не успели.

– Вот именно. Что за драку вы устроили в кафе недалеко от роддома?

– Вот в чем дело... – протянул Шепель. – Уже доложили? Ну тогда слушай и мой доклад.

Михаил рассказал в подробностях о том, что произошло у кафе:

– Вот так было дело! И как ты считаешь, мы должны были пропустить мимо ушей мольбу о помощи и позволить до смерти забить ее друга? Только из-за того, что Тимохин запретил нам заходить в питейные заведения? Так?

– А вот мне доложили, что все выглядело иначе. Что вы напали сначала на молодежь, уважаемого мужчину, банкира, приехавшего в кафе за дочерью, мало того, еще и милиционеров обезоружили? Ты понимаешь, чем это вам грозит?

– То, что тебе доложили, вранье! У нас свидетели есть. Официант из кафе, но тот может молчать; а вот девушка, та самая дочь господина банкира, который якобы приехал забрать ее домой, расскажет все, как было на самом деле. Кстати, пока ее другу медики оказывают помощь, можешь пообщаться с ней!

– Передай девушке трубку!

Шепель вернулся к Ларисе:

– Слушай, на нас наше начальство наехало из-за того, что мы ввязались в драку. Расскажи по телефону о том, что произошло у кафе на самом деле. Если, конечно, не передумала помочь нам.

Девушка взяла трубку. Поздоровалась, представилась и в красках расписала случай у кафе. Михаил удивился, как это у нее красиво и гладко получается. Лариса выставила офицеров спецназа чуть ли не героями рыцарских романов и подтвердила, что повторит показания где угодно и когда угодно. После чего передала трубку майору.

Шепель, сказав ей спасибо, спросил начальника:

– Ну что, Крым? Слышал, что здесь было?

– Слышал! Ты координаты этой девушки возьми. На всякий случай. Феофанов отбил вас у МВД, но там хрен его знает, как дальше поведет себя банкир.

– Его же задержал корешок-полковник!

– Как задержал, так и выпустит. Свою задницу прикрыл на время. Потом опять в ноги кормильцу упадет, если останется на службе. Но хватит болтать. У тебя в роддоме дела есть?

– На сегодня нет!

– Тогда забирай Кима с Дрозденко и немедленно следуй в городок. Здесь продолжим разговор. Вы у меня не один лист объяснительной испишите, гладиаторы!

– Понял! Но сначала по магазинам прошвырнемся, затаримся. Или вы отменили вечеринку?

Крымов кашлянул:

– Надо было бы отменить, но... ведь вы тогда еще больше нажретесь?!

– Само собой! Запретный плод сладок...

– Затаривайтесь – и прямым ходом в городок!

– А если нас менты попытаются задержать?

– Они уже попытались сделать это. Не надо задавать глупых вопросов. Достаточно того, что вы натворили.

– Да чего мы натворили? Тебе же русским языком было сказано...

– Ладно! Все! В городке поговорим. Сваливайте от кафе!
– Тимохина не забудь пригласить!
– Он и без этого жаждет побеседовать с тобой.
– Так жаждет, что по телефону не стал общаться?
– Слова для личной встречи бережет!
– Испугал! Передай ему: мы сделали то, что должны были сделать. И не нажрались, а всего лишь полторуху раздавили. Ребята трезвые. Разминка мозги прочистила.
– Все, Шепель! До встречи в штабном отсеке. Так же быть и Киму, и Дрозденко!
Крымов отключил телефон. То же самое сделал и майор. К нему подошли боевые товарищи.

– Феофанов звонил? – спросил Ким.
– Крымов! Но об инциденте сообщили начальнику Управления. Дома нас ждет разбор полетов.

– Это сержанта дело! Говорил, он с кем-то по рации базарил! – пробурчал Ким.

– Да и хрен с ними со всеми. Где «Волга»?

– Рядом с «мерсом» недоноска, которому ты жало повредил.

– Давайте в машину, я расплачусь, подойду!

Офицеры пошли за кафе. Шепель вошел в здание. Подошел к официанту:

– Давай, Толик, счет! Все было вкусно, и обслуживание на уровне.

– Если бы не этот случай...

– Ерунда!

Официант назвал сумму. Майор расплатился, добавив сверху тысячу рублей:

– Это тебе за усердие. И давай без ужимок. Заработал – получи.

Рассчитавшись, Шепель также прошел к «Волге». «Мерседес», как появилась машина спецслужбы, отъехал вперед метров на сто. Майор сел на место переднего пассажира, указал на иномарку:

– А водила у банкира – предусмотрительный чувак.

– Так этот мужик – банкир? – спросил Дрозденко.

– Ага!

– Вот почему менты быстро появились.

– Он и кричал на полковника – за что, мол, я тебе бабки плачу? Да пошли они к черту!

Едем.

– На базу? – спросил водитель.

– Ну, не в зоопарк же! Но через супермаркет. Вечернюю пьянку никто не отменял. Гулять будем после того, как Крым с Саньчем нас дрюкнут.

Дрозденко отмахнулся:

– Ни хрена не будет. Объяснительные напишем – и дело с концом. В первый раз что ли?

«Волга» тронулась и, объехав «Мерседес», пошла по проспекту к огромному супермаркету.

В городок офицеры прибыли в 14.10. «Волга» с набитым под завязку спиртным и продуктами багажником остановилась у штаба городка. Шепель сказал водителю:

– Затарку доставишь к нашей казарме, передашь дежурному, пусть в комнате совещаний сложит, потом заберем. – Повернулся к товарищам: – Ну а нам в штабной отсек. На randevu с Крымовым и Тимохиным!

Офицеры вышли из машины. «Волга» пошла в сторону казарм подразделения обслуживания, где находилось и расположение боевых групп антитеррористической спецслужбы.

Протрезвевшие Шепель, Ким и Дрозденко прошли в здание штаба, где в отсеке службы их встретил ироническим восклицанием полковник Тимохин; впрочем, его ирония не предвещала ничего хорошего:

– Кого я вижу?! Бойцы легендарных групп «Орион» и «Мираж»! Вернулись из боевого рейда по кабакам столицы! Одно удивляет: как это ваша поездка закончилась без трупов? По пьянке могли и завалить банкира с охраной, а до кучи и наряд милиции. Что это с вами? Или спиртное силенок поубавило?

Шепель погладил подбородок:

– Сань! Может, обойдемся без приколов?

Тимохин повысил голос:

– Какой я вам Саня, товарищ майор? Извольте обращаться, как положено, по званию и на «вы»!

– Есть, товарищ полковник! Но тогда и вы будьте любезны также соблюдать правила субординации. В точном соответствии с требованием Устава и других регламентирующих службу в спецподразделении документов!

– Конечно, товарищ майор! Прошу вас занять место за столом совещаний и написать объяснительные записки, в которых подробно указать о ваших приключениях в столичном кафе, начиная с того, что мной было запрещено посещение сих заведений и что вы посчитали возможным полностью его проигнорировать. На составление объяснительных даю полчаса времени. И писать то, что было! Попытки исказить факты не пройдут. Время пошло!

Тимохин взглянул на часы, прикурил сигарету и отошел к окну. Шепель, Ким и Дрозденко присели в кресла и начали писать объяснительные.

Телефон командира группы «Орион» внезапно издал мелодию вызова. Он взглянул на дисплей. Светилась буква «К». Значит, звонил Крымов, обещавший подойти в штаб, но где-то задерживающийся. Тимохин ответил:

– Слушаю тебя, Вадим!

– Орлы наши в штабе?

– Да вот сидят, пишут объяснительные. Ты подойдешь?

– Подъеду, чтобы забрать тебя.

– Феофанов вызывает?

– Ты, как всегда, проницателен.

– А что случилось, не знаешь? Не по случаю у кафе вызывает генерал?

– Не знаю, но вряд ли по кафе. Генерал отбил ситуацию, а лично разбираться с бойцами групп – не его уровень.

– А что ж мне с нашими хулиганами делать?

– Пусть пишут объяснительные. Потом идут по домам.

– А как насчет вечеринки?

– Я поручил ее организацию Соловьеву, но состоится она или нет, станет ясно после встречи у генерала.

– Хорошо, подъезжай, я готов.

– Давай, через пять минут буду!

Александр набрал номер супруги, предупредил об отъезде.

Шепель, не отрываясь от объяснительной, спросил:

– Никак вы нас покидаете, товарищ полковник?

– Приходится! Заканчивать свои опусы будете без меня. Оставьте их на рабочем столе – и по домам.

– А как же подготовка к вечеринке?

– Ею займешься позже вместе с подполковником Соловьевым. Если нам еще дадут провести сие увеселительное мероприятие...

– Что-нибудь серьезное произошло?

– Шепель! Пиши бумагу, а? Надо будет – все в свое время узнаешь. По вопросам вечеринки обращайся к командиру «Миража». А я поехал – Крымов подогнал свой внедорожник.

Из окна Тимохин увидел, как у входа в штаб закрытого военного городка встал «Ниссан». Забрав кейс с письменными принадлежностями, он вышел на улицу. Обошел машину, сел на место переднего пассажира, протянув начальнику и другу руку:

– Здорово, Крым!

– Привет! Как сам?

– Лучше всех!

– Шепель?

– А чего ему будет? Ведет себя, будто ничего не произошло. Да и Ким с Дрозденко так же. Не кажется тебе, что приборзели наши спецы в последнее время?

Крымов, включив двигатель, улыбнулся:

– Себя в их годы вспомни. Да и я таким же был. Другие, Саня, у нас долго не задерживаются...

– Так чего же тогда приказал провести служебное расследование? Тем более что Феофанов прикрыл тему...

– Для порядку! Положено, вот и проводим.

– Короче, для проформы. Прочитаем их писанину, положим в папку – и под сукно.

– Нет. Сразу в утилизатор. Чего стол захламлять? Ладно, едем. Что-то мне голос генерала не понравился.

– А когда он позвонил?

– Минут двадцать назад.

– И чем тебе его голос не понравился?

– Раздраженный какой-то. Обычно говорил, зачем вызывает, сегодня даже не намекнул на причину вызова.

– Не обращай внимания; может, у Феофанова какие-то личные проблемы возникли. Он же тоже человек.

– Да? Как-то об этом не подумал.

– Не надо иронизировать!

– Я не иронизирую, Саня! Просто устал. В отпуск бы, куда-нибудь на Енисей, в тайгу, подальше от суеты людской...

– А сможешь один на один с природой долго общаться?

– Не знаю. Ладно, подъезжаем!

В воскресный день «Ниссан» прошел дорогу до загородной резиденции Главного управления быстро, без проблем. Вечный бич МКАД – пробки – отсутствовал, и Крымов держал скорость в сто сорок километров в час. За контрольно-пропускным пунктом руководителей отдела специальных мероприятий встретил неизменный помощник начальника главка, старший прапорщик Ларинов. Крымов и Тимохин пожали ему руку.

– Генерал на месте? Что-то я машины его не вижу, – спросил Александр.

– На мойке машина. А Феофанов у себя.

– С Потаповым?

– Нет, Вячеслав Дмитриевич в Москве. Да вы проходите, генерал ждет вас!

– Не знаешь, что на этот раз произошло?

– Точно нет, но что-то связанное с Афганистаном.

Крымов сплюнул на мостовую:

– Черт! Опять Афган! Недавно только оттуда...

Ларинов пожал плечами:

– Пардон! В ваши дела меня если и посвящают, то после того, как вы все уже сделаете. Да и не нужна мне лишняя информация.

– Меньше знаешь – лучше спишь?

– Я, Вадим Петрович, что знаю, что не знаю – все одно сплю хреново.

– Значит, совесть нечиста.
– Ну, началось!
– И закончилось. Не волнуйся, доставать не будем, не то настроение.
– Слышал, у Шепеля сын родился? – спросил Ларинов. – Когда отмечаете?
– Миша уже отметил... Да так, что генералу вмешиваться пришлось.
– Об этом тоже слышал.
– Феофанов, наверное, вне себя от ярости был, когда узнал, что учудили наши в городе?
– Да нет, знаешь, воспринял довольно спокойно. Потом позвонил в МВД и больше об инциденте не вспоминал. Видать, его другим по уши загрузили.

– Вызывали в Москву?
– Нет. Звонили. Кто – не скажу, не знаю. По закрытому каналу связи выходили на Феофанова. И он сразу вызвал вас.

Крымов вздохнул:

– Значит, дело серьезное! Что ж, ладно, Вася, спасибо за информацию, мы к генералу.
– Удачи! Я «Ниссан» к гаражу отгоню!

Помощник начальника Главного управления по борьбе с терроризмом, забрав у Крымова ключи, направился к внедорожнику. Старшие офицеры вошли в здание резиденции, представляющее собой большой особняк, поднялись в кабинет Феофанова. Крымов приоткрыл створку двери:

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант?
– Входите!

Крымов с Тимохиным вошли в служебное помещение.

Начальник отдела спецмероприятий доложил:

– Товарищ генерал, полковники Крымов и Тимохин по вашему приказанию прибыли! Феофанов пожал руки подчиненным, указал на кресла у стола совещаний:
– Занимайте свои места!

Присел рядом с Крымовым, расстелив на столе карту Афганистана. Сказал:

– Мне звонил помощник главкома. Вчера в 21.07 московского времени на территории Афгана потерпел крушение наш десантный «Ил-76», перевозивший груз в Индию.

Крымов с Тимохиным переглянулись. Командир «Ориона» спросил:

– И каким образом «Ил-76» оказался в южном Афганистане? Ведь он должен был, по идее, лететь через Таджикистан.

– Он и летел через Таджикистан. На нашей военной базе была запланирована промежуточная посадка, но самолет внезапно изменил курс и пошел не на юго-восток, а на юг. Что произошло на борту, неизвестно. Командир экипажа уже из воздушного пространства Афганистана подал сигнал бедствия. «Ил-76» рухнул в Карбанском ущелье, недалеко от кишлака Карбан. Место падения отмечено на карте черным крестом.

– Судьба экипажа известна? – спросил Крымов.

– По мнению специалистов, самолет постепенно терял высоту, поэтому у экипажа было и время, и возможность покинуть борт.

– Командир не имел при себе спутниковой станции?

– Нет. Иначе мы бы уже знали, что с летчиками и где они находятся. Но ситуацию должен прояснить знакомый вам агент службы внешней разведки Шакур Акрами.

– Пуштун? – воскликнул Тимохин.

– Он самый!

– Создается впечатление, что в Афганистане не проходит ничего серьезного, о чем не был бы осведомлен наш афганский друг.

Феофанов улыбнулся:

– Сейчас ты называешь его другом, а когда-то не доверял ему!

– Имел на это все основания. Сейчас другое дело: мы отработали с Пуштуном операцию «Охота», и он доказал свою надежность и высочайший профессионализм разведчика.

– Это хорошо, так как скорее всего вам вновь придется вместе работать в Афганистане.

– Вы выйдете на него во время вечернего сеанса связи?

Феофанов отрицательно покачал головой:

– Нет. Пуштуну уже передали, что необходим экстренный сеанс. И он должен связаться со мной, как только получит такую возможность.

Александр поинтересовался:

– Чем закончилась его авантюра со столкновением Тургая и Наджиба?

– У Пуштуна все получилось. Хизаят Тургай, получив приказ руководства движения «Талибан» на ликвидацию отрядов Абадзе и Джумы Наджиба, выдвинул свои войска к базам последних. Бой продолжался долго – все же и Буриши, и Гудли были неплохо укреплены, и у Джумы имелись достаточные для обороны силы, – но отряду Тургая удалось сломить сопротивление банд Наджиба. Впрочем, Джума не стал дожидаться разгрома и с отрядом верных ему людей отступил в горы, где и растворился. Заявление МИД России, подтвердившее проведение нашими спецподразделениями операции по освобождению граждан, насильно перемещенных в Афганистан, вывело Пуштуна из-под удара. И сейчас он служит в штабе Тургая.

– Вот как? Молодец Пуштун. Но вы сказали, нам вновь предстоит работать вместе с ним. Это, как я понимаю, в случае, если члены экипажа остались живы и их надо вытащить из Афгана?

Феофанов поднялся, прошелся по кабинету, присел на подлокотник кресла у журнального столика:

– Не только, Сан Саныч! Даже если пилоты погибли, вам все равно придется лететь в Афганистан.

– Зачем? За черными ящиками «Ил-76»?

– Нет. Дело вот в чем. Наш самолет официально перевозил оборудование для обслуживания и ремонта индийских истребителей-бомбардировщиков «Бахадур», скопированных, а точнее, являющихся по сути «МиГ-27», снятых у нас с вооружения. Однако на борту находился и другой груз. Секретный. Который пилоты даже в Индии должны были сбросить до посадки на аэродром базы индийских ВВС в Джайлиере.

– Для нас этот груз тоже засекречен? – спросил Крымов.

– Да! Единственное, что мне известно о нем, это то, что в специальных контейнерах находились цилиндрические блоки, обеспечивающие непредсказуемую траекторию полета крылатых ракет. Думаю, большего мы не узнаем и в дальнейшем.

Тимохин посмотрел на генерала:

– А разве эти контейнеры не взорвались при крушении самолета?

– Согласно инструкции, командир экипажа в случае возникновения в полете внештатной ситуации обязан был сбросить контейнеры до того, как покинет гибнущий самолет. И уже в воздухе после срабатывания парашютной системы, которой был оснащен каждый контейнер, самоликвидаторы должны были разнести груз на мелкие части. Подобный вариант планировался для того, чтобы на месте падения самолета не были найдены даже эти мелкие части секретных блоков.

– Ну и? Значит, контейнеры по-любому уничтожены?

Феофанов вернулся на свое место за столом совещаний:

– Так считали все – и те, кто готовил груз к отправке, и те, кто подключал систему самоликвидации, но... неожиданно наш спутник зафиксировал сигналы маяков, которыми были оборудованы контейнеры. Для облегчения поиска после сброса груза в Индии. Сигналы прошли из квадрата ... Внимание на карту. С перевала Радан, что тянется с востока на запад и находится в сорока километрах от Карбанского ущелья, считая от наивысшей точки хребта.

А также в пятидесяти километрах от Гудли. Повторяю, от Гудли, бывшей базы помощника Абадзе, полевого командира Джумы Наджиба. И отступал он в ходе столкновения с отрядом Тургая именно в том направлении. На карте крестом отмечена площадь, откуда на спутник прошли сигналы маяка контейнеров. Она находится сравнительно недалеко от селения Джиллак. Как видите, это небольшой кишлак, лежащий на плато, зажатом с севера перевалом Радан, с юга и востока довольно большими лесными массивами. А подножия южного склона перевала изобилуют глубокими пещерами, где в древности обитали буддийские монахи.

– Но сигналы маяков могли перехватить спутники других государств, в том числе и США? – уточнил Крымов.

– Нет, не могли. Специалисты, готовившие груз к отправке, отреагировали на сигналы маяков оперативно и отключили их тогда, когда на орбите приема сигнала находился только российский спутник военно-космических сил. Но... раз сработали маяки, значит, дала сбой система самоликвидации и контейнеры целыми и невредимыми опустились на перевал Радан!

– Или зависли на стропях где-нибудь в скалах.

– Или зависли.

– И мы должны найти эти контейнеры?

– Да, но... минуточку...

Феофанов прервал фразу, так как сигнал вызова выдала спутниковая станция генерала. Начальник Управления снял трубку:

– Генерал Феофанов! Приветствую тебя, Пуштун!.. Да, готов...

Феофанов включил записывающее устройство:

– Докладывай, Пуштун!

Генерал слушал Акрани минут пять. Затем сказал:

– Я понял тебя, Пуштун! Спасибо за информацию. Готовься встретить ребят, с которыми проводил операцию по Абадзе... да, они вылетят, как только мы все подготовим, о чем ты будешь предупрежден заранее. Передам. До связи!.. Да, с этого момента ты вновь подчинен ГУБТ. Связь в прежнем режиме. Удачи!

Феофанов выключил трубку, положил ее в ящик, посмотрел на офицеров:

– Живы пилоты! Но находятся в Галистане, на базе Хизаята Тургая. Его группа, осуществлявшая поиск моджахеда, сбежавшего с базы Хизаята, случайно оказалась на месте приземления командира экипажа. Остальным членам экипажа не оставалось ничего, кроме как сдаться Тургаю. Так что в экстренном режиме готовим операцию по поиску контейнеров, доставке секретного оборудования в Россию с одновременным освобождением летчиков. Талибы не выдадут их нам. Или выставят такие условия обмена, на которые мы согласиться не сможем.

– Веселое дельце! – проговорил Тимохин.

– Да, скучать в Афгане явно не придется, – согласился Феофанов. – Но – к работе, товарищи офицеры! Сейчас же возвращайтесь на базу и готовьте группы «Орион», «Мираж» и «Алтай» к командировке. В дальнейшем решим, используем ли все три группы или ограничимся меньшими силами. Но два подразделения полетят «за речку» точно! Мы с Потаповым и представителями служб, обеспечивающими переброску секретного груза, решим все технические вопросы. Вытащить с перевала контейнеры будет сложно, если вообще возможно, поэтому нам надо знать, как достать секретные блоки. Также мы, в Управлении, отработаем маршрут переброски боевой группировки в Афганистан. Вам завтра быть здесь в 10.00 с предложениями по составу групп. Допускаю их дополнение офицерами подразделения «Гром», ну и собственное видение решения обозначенной проблемы. Завтра мы должны будем принять план операции и утвердить его. Возможно, что-нибудь новенькое сообщит Пуштун. Теперь мы будем держать с ним связь постоянно в прежнем режиме. У вас сегодня вечером намечается гулянка?

Крымов махнул рукой:

– Да какая теперь, к черту, гулянка...

Но Феофанов неожиданно возразил:

– Не стоит отменять мероприятие. Это в принципе на нашу работу никак не повлияет. Но ограничить ее по времени и количеству спиртного необходимо. В общем, с этим разберетесь сами. Шепелю мои поздравления по поводу рождения ребенка и строгий выговор за организацию драки у кафе с незаконными действиями против сотрудников милиции. Киму и Дрозденко – по замечанию. Если вопросов нет, свободны! Жду вас завтра в 10.00. И прошу не опаздывать. Отговорок типа пробок на дорогах не приму. Выезжайте раньше.

Пожав Феофанову руку, Крымов с Тимохиным покинули кабинет начальника Управления.

В 16.15 «Ниссан» миновал контрольно-пропускной пункт закрытого военного городка. Остановился у штаба. Через оперативного дежурного Крымов объявил всем подразделениям общий сбор с построением возле отведенной для нужд боевой группировки ГУБТ казармы.

Глава 3

Южный Афганистан, кишлак Галистан. Понедельник, 16 июня

Более суток без допросов продержали в подвале пилотов разбившегося «Ил-76», и только в 8.30 16-го числа заскрежетал замок решетки, закрывающей люк в подвал, где находились члены экипажа разбившегося в горах самолета «Ил-76». Затем появилась голова охранника. Он сбросил вниз веревочную лестницу, приказав на ломаном русском языке:

– Командира наверх. Давай быстро, скотин свинячий, саиб ждет!

Курдин поднялся по лестнице в небольшой по размерам бетонный бункер – подвал пристройки одного из домов. Охранник надел на офицера наручники, закрыл на замок решетку и приказал:

– Иди другая лестница.

Курдин подчинился и вскоре оказался во дворе дома, где его ждали два вооруженных автоматами афганца. Один из них, старший по возрасту, толкнул майора прикладом в спину:

– Пошел прямо!

Командира экипажа вывели на улицу, провели по узкому проулку и доставили во двор неплохо укрепленного двухэтажного дома-крепости с окнами-бойницами. Курдин обратил внимание на многочисленность охраны. Боевики были везде – у ворот, в сторожке, у входа в главное здание, возле гаража, в котором стояло не менее пяти машин. Один внедорожник «Форд» находился сбоку от здания.

У входа майора заставили разуться, после чего ввели в прихожую дома. Внутри было прохладно – июньское солнце еще не успело разогреть камни.

Ровно в 9.00 офицер вошел в просторный кабинет, который, к удивлению Курдина, был меблирован в европейском стиле. Вдоль стен стояли закрытые шкафы, у зарешеченного окна – стол, кожаное кресло. Приставка, примыкающая к столу, кресла поменьше вдоль приставки. Напротив – еще кресла; у стены на тумбе современный японский телевизор, судя по ресиверу, находившемуся рядом, принимающий сигналы спутникового телевидения; два видеоплеера – кассетный и дисковой. На полу ковер. Окно прикрыто паутиной тонкого тюля, сейф в углу на расстоянии вытянутой руки от кресла. На столе ничего лишнего. Перекидной календарь, листы бумаги, письменный чернильный прибор. Рядом со столом стоял крепкий с виду мужчина в камуфлированном костюме – точнее, в брюках и майке. Конвоиры доложили ему:

– Саиб! Ваше приказание выполнено, русский летчик доставлен.

Мужчина махнул рукой, и охрана удалилась, прикрыв за собой створки резной двери. Хозяин кабинета впился глазами в Курдина, медленно поглаживая бороду. В руке он держал удостоверение личности. Выдержав паузу, афганец спросил:

– Кто ты?

Курдин указал взглядом на удостоверение:

– У вас мои документы, там все указано.

Афганец повысил голос:

– Я спросил, кто ты?

– Майор российских военно-воздушных сил Курдин Сергей Анатольевич, командир экипажа самолета «Ил-76» войсковой части №..., дислоцирующейся в городе Переславе, в ста восьмидесяти пяти километрах юго-восточной Москвы.

– Войсковая часть представляет собой полк дальней авиации?

– Да.

– Ваш полк, насколько мне известно, обслуживает переславский парашютно-десантный полк?

– Вы хорошо осведомлены о военном гарнизоне Переслава.

– Я был в этом городе. Давно, еще перед войной восьмидесятых годов. Раньше в Переславе находился авиационный центр, в котором переучивали летчиков-истребителей на пилотов дальней авиации, в том числе и стратегической.

– Центр существует и сейчас.

Афганец подошел к Курдину, достал из кармана брюк ключ, снял наручники, жестом указав на кресло у стола–приставки:

– Присаживайся, майор, разговор нам предстоит долгий.

– Закурить бы!

– Здесь не курят, но для тебя я сделаю исключение.

Он нажал на потайную кнопку, расположенную ниже массивной крышки рабочего стола. В дверях тут же возник молодой парень, лет шестнадцати.

– Слушаю вас, саиб! – поклонился он.

Хозяин кабинета приказал:

– Абдул, принеси сигареты, зажигалку, пепельницу и чай, хороший чай на две персоны!

Быстро, Абдул!

Присев в кресло, Курдин спросил:

– Так вы и есть полевой командир Хизаят Тургай?

– Да. Но впредь прошу запомнить: здесь вопросы задаю только я.

– Понял!

– Как вам ваша камера? Не тесно? – поинтересовался Тургай.

– Тесновато, но как у нас говорится, в тесноте, да не в обиде.

– А ты, майор, как погляжу, оптимист. Еще не понял, к кому попал?

– Ваши люди объяснили. Они, кстати, гарантировали экипажу жизнь.

– Здесь что-либо гарантировать тоже могу лишь я один. Ты просил, чтобы мы связались с российским посольством и сообщили о вашей судьбе?

– Да. По-моему, вполне обоснованная просьба...

– Обоснованная. Была бы. Если ты с экипажем оказался бы севернее Кандагара, где пока еще правит власть марионеточного режима, держащаяся на штыках натовских винтовок. Но ты находишься южнее Кандагара. А это территория, подконтрольная руководству движения «Талибан». Здесь, майор, совсем другие порядки.

– Но мы не воюем с вами. И оказались в Афганистане совершенно случайно – из-за крушения самолета, сбившегося с курса. Мы не летели в Афганистан, наш маршрут лежал в Индию!

– Я об этом уже слышал. О посольстве поговорим позже; сейчас я хочу узнать, зачем вы летели в Индию и что за груз находился на борту самолета.

– Мы должны были доставить на базу индийских ВВС в Джайлиере оборудование для обслуживания истребителей-бомбардировщиков «Бахадур».

– Или «МиГ-27», так?

– Да.

– И что это было за оборудование?

– Не знаю. Оно находилось в контейнерах. При приеме груза я проверил лишь наличие пломб. Остальное меня не интересовало.

Тургай присел в свое кресло:

– Мне известно о военном сотрудничестве России и Индии в области поставок вооружений, осуществляемых Москвой. Я навел справки, майор, и вот что интересно. Ранее перевозкой грузов занимался подмосковный полк дальней авиации. И ни разу не использовались самолеты вашей части. Почему на этот раз к регулярным авиaperевозкам был привлечен ваш полк?

Курдин пожал плечами:

– Этот вопрос не ко мне. Экипажу приказали лететь – он полетел. В армии не принято задавать лишних вопросов.

– А может, все дело в том, что, кроме железок для устаревших «Бахадуров», на борту твоего «Ил-76» находился другой, более ценный груз?

– Я не знаю, что конкретно находилось в контейнерах, но на месте крушения самолета наверняка остались обломки и лайнера, и груза. А также «черные ящики». Достаточно как следует осмотреть место падения, и станет ясно, что находилось на борту «Ил-76».

В дверь осторожно постучали.

– Входи, Абдул! – крикнул Тургай.

Слуга внес на подносе фарфоровый чайник, прикрытый полотенцем, две пиалы, пачку сигарет «Мальборо», одноразовую китайскую зажигалку и хрустальную пепельницу. Выставил все на стол и, пятясь спиной, вышел из служебного помещения. Тургай указал взглядом на сигареты:

– Кури!

Курдин открыл пачку, прикурил сигарету, жадно делая затяжки. Полевой командир разлил по пиалам дымящийся зеленый чай. Выкурив две сигареты подряд, майор отпил чаю. И почувствовал приятное головокружение. Спросил, несмотря на запрет:

– Что это за чай? Бьет по мозгам не хуже вина.

Тургай рассмеялся:

– Хороший чай, майор, кандагарский, такой даже в Кабуле не найдешь.

– Но почему он пьянит?

– Потому что заварен по особому рецепту. Тебе нравится?

– Я предпочел бы обычный.

– Довольствуйся тем, чем тебя угощают как гостя. Хотя ни ты, ни твои друзья гостями не являетесь. Вы граждане враждебного нам государства, более того, военнослужащие этого государства.

– Россия не поддерживает присутствие в Афганистане войск западной коалиции.

– Потому что сейчас у нее нет достаточных сил, чтобы самой вновь оккупировать мою страну. Как это было в восьмидесятые годы. Кстати, ты не принимал участия в той войне?

Курдин отрицательно покачал головой:

– Нет. Я тогда учился в военном училище. И закончил его, когда войска были уже выведены, а Союз начал разлетаться, как плохо сложенная мозаика.

– А в поддержке Северного альянса ты участия не принимал?

– Тоже нет. Я впервые в Афганистане.

– Да! Тебе не повезло. Хотя, как знать, может и наоборот. Женат?

– Женат. Дочери шесть лет, на следующий год в школу пойдет!

– Любишь жену?

– Что за вопрос? Конечно!

– И не имеешь на стороне любовницы?

– Нет.

– Не верю! Каждый мужчина имеет по несколько женщин, если конечно он настоящий мужчина.

– Вы должны знать, у нас это не принято.

Тургай вновь рассмеялся:

– Мне об этом можно не говорить. Видел, как гуляют в ресторанах ваши офицеры. И как уходят в номера со шлюхами. Но ладно, все это ерунда. Вернемся к теме.

Взгляд полевого командира вдруг стал жестким:

– Значит, ты утверждаешь, что самолет перевозил лишь обозначенный в документах груз, который погиб вместе с самолетом?

– Да.

– Я бы поверил тебе, майор, если не одно «но». Вот какая штука получается. Падение твоего «Ил-76» видел мальчишка, сын чабана, пасший отару у перевала Радан. Вы пролетели над ним. И он, младший брат воина, который служит в моем отряде, рассказал, что от самолета, когда он находился над перевалом, отделились какие-то два предмета, похожие на контейнеры. Затем они на парашютах опустились на хребет. А самолет, снижаясь, пошел к Карбанскому ущелью, где и разбился. Что ты мне ответишь на это?

– То, что мальчишке померещились какие-то предметы, да еще якобы сброшенные с падающего самолета на парашютах. Я ничего не мог сбросить. При отказе всех систем управления мне не удалось бы ни открыть рампу, ни привести в действие лебедки. Через боковую дверь предметы, которые имеют парашютную систему, не выбросить. К тому же экипажу было не до груза. Надо было держать самолет. Я надеялся найти какое-нибудь плато, подходящее для аварийной посадки, но не нашел. И приказал экипажу покинуть борт. Тогда, когда стало очевидным, что спасти самолет не удастся. Так что, господин Тургай, мне было не до того. А уж что в ночном небе увидел мальчишка, не знаю! И потом, стал бы он разглядывать небо, когда мимо пролетал большой самолет? Представьте себе летящий, переливающийся сигналами бедствия, ревущий лайнер. Низколетающий. Да кто угодно, а не только какой-то мальчишка, впервые увидев подобное, сосредоточит все свое внимание на самолете. И даже если что-то вылетит из лайнера, этого не заметят. А парашюты, которыми снабжают грузы, предназначенные для сброса, открываются непосредственно у земли. Так что ваш мальчик стал свидетелем искаженного оптического явления, что-то наподобие миража в пустыне.

– Да? Хоп! Время покажет, лжешь ты или нет. Мои люди прочешут весь перевал с прилегающей к нему территорией. Но... если они найдут контейнеры, ты, майор, пожалеешь, что родился на этот свет. Я жестоко караю тех, кто лжет мне.

– Мне говорили об этом. Ищите, только бесполезно все это.

Командир корабля был уверен в том, что система самоликвидации полностью уничтожила контейнеры с грузом, поэтому вел себя уверенно и спокойно.

– Кстати, вы обещали вернуться к вопросу о посольстве.

– Я сказал, позже! Не сейчас.

– Но в Кабуле уже знают о крушении самолета, нас будут искать...

– Кто? Сотрудники вашего дипломатического ведомства? И не мечтай, майор. Сюда, на территорию, контролируемую талибами, не посмеет сунуться никто – ни ваши, ни американцы. И даже отчаянные русские парни из спецназа, что уничтожили одного из бывших полевых командиров, Ахадрада, известного еще под именем Тимура Абадзе. И освободили четырех русских девушек, похищенных Ахадрадом в России. Кстати, это произошло недалеко отсюда. Но... одно дело – расстрелять из засады три внедорожника на пустынной горной трассе, и совсем другое – попытаться атаковать хорошо укрепленную базу. Конечно, ваши – не натовцы, и могут предпринять такую попытку. Но она будет обречена на провал. Тем более ни в Кабуле, ни в Москве, ни даже в Пешаваре не знают, что стало с летчиками разбившегося «Ил-76», а если они выжили, то где находятся. Экипаж мог избежать пленения, но вряд ли выжил бы в горах. Питания у вас на трое суток, из оружия – хлопушки-пистолеты да ножи. В горах заблудиться гораздо легче, чем в лесу. К тому же вы могли стать добычей блуждающих банд грабителей, которые убили бы вас из-за одного обмундирования. Люди в кишлаках живут бедно, им надо кормить семьи. Они не остановятся ни перед чем, чтобы хоть как-то достать пищу. А летные комбинезоны – неплохой товар для обмена на продукты. От вас даже трупов, которые можно опознать, не осталось бы. Шакалы сожрали бы. Так что вы для всех исчезли.

– Вы собираетесь навсегда оставить экипаж у себя?

– Зачем? Лишние рты мне не нужны. Я продам вас. Да, да, майор, банально продам. Вопрос – кому? Если подтвердится то, что никаких контейнеров ты не сбрасывал, то можно

обсудить вопрос о выкупе экипажа российскими властями. Если же окажется, что ты лгал мне, то умрешь лютой смертью, а летчиков я продам в рабство в Пакистан. Откуда они уже никогда не вернутся домой. Посмотрим! А сейчас ты вернешься в подвал. У тебя есть время подумать и изменить показания. До утра завтрашнего дня. До того, как я вышлю на перевал крупную поисковую группу. Вопросы, просьбы, пожелания есть?

Курдин утвердительно кивнул головой:

– Я просил бы обеспечить экипаж более сносными условиями содержания и нормальным питанием.

– А у вас есть деньги, чтобы заплатить за это?

– Нет.

– Ну, тогда ничем не могу вам помочь. Впрочем, кормить вас будут три раза в сутки. Чтобы вы не отощали и не ослабли. Слабые рабы – плохой товар! Охрана!

В кабинет вошли вооруженные афганцы.

– Отведите русского обратно в подвал! И скажите слуге, чтобы зашел.

Тургай бросил старшему охраннику наручники, которые тут же были надеты на запястья командира экипажа. Курдина вывели. В помещение неслышно вошел слуга:

– Вызывали, саиб?

– Да, Абдул! Запоминай, что нужно сделать. Первое: убрать то, что ты приносил. Второе: передать Ахмеду, чтобы усилил питание летчиков. Утром чай, днем горячий обед, вечером чай с хлебом. И третье: найди Шакура Акрани, передай, чтобы зашел ко мне.

Парень забрал поднос с чашками, чайником, пепельницей – сигареты и зажигалку Курдин успел забрать с собой – и вышел в соседнюю комнату. Тургай подошел к окну и открыл его – проветрить кабинет.

Агент российской разведки в это время находился в отведенном ему доме у мечети. После разгрома банды Джумы Наджиба, которого разведчик предупредил о нападении банд Тургая, спровоцировав столкновение двух крупных отрядов талибов, Шакур Акрани переехал в кишлак Галистан, на базу Хизаята, у которого стал одним из помощников, а точнее советником.

Галистан был разделен на две части, и условная линия раздела проходила через площадь у мечети. В восточной, бедной части жили обычные мирные люди – чабаны, дехкане, мелкие торговцы. В западной обосновались бойцы отрядов Тургая, которыми командовали верные Хизаяту фанаты-талибы Мохаммед Бахтияр и Мехмед Абдула. Сам Хизаят Тургай проживал в усиленно охраняемом двухэтажном доме на северо-западной окраине Галистана. Усиленно охранялось еще одно здание западной части кишлака – арестантский сарай, в котором находился подвальный бункер для пленных врагов. Ежедневно вокруг кишлака выставлялись передовые посты раннего обнаружения потенциального противника – дозоры из двух человек. Всего четыре поста.

Уже сообщив в Москву о судьбе пилотов, Шакур Акрани, проверив отсутствие возле дома людей Хизаята, привел в рабочее состояние спутниковую станцию. В 10.00 понедельника 16 июня должен был состояться сеанс связи с генералом Феофановым, которому вновь на время переподчинили разведчика. Но сеанс сорвало появление слуги Тургая. Пуштун заметил парня из окна, когда тот вошел во двор. Выругавшись про себя, Акрани спрятал кейс со станцией под топчан. Слуга постучал в дверь. Акрани крикнул:

– Открыто!

Абдул вошел, поклонился, поздоровался:

– Ассолом аллейкум, господин Акрани!

– Ва аллейкум ассолом, Абдул! Что привело тебя ко мне?

– Вас вызывает саиб!

– Вызывает? И как срочно?

- Он сказал, чтобы вы пришли к нему. Больше ничего.
- Хоп, я понял. Ступай, я скоро буду в усадьбе Тургая!
- Слуга, вновь поклонившись, вышел во двор.

Акрани проводил его взглядом из окна. Посмотрел на часы. Стрелки подходили к 10 часам. Но выйти на связь сейчас Пуштун не мог. Он достал кейс, передал в эфир сигнал отсрочки сеанса связи, перевел станцию в режим ожидания, уложил ее в шкаф, поправил обмундирование и, не закрывая двери дома, что являлось обычным явлением для кишлака, направился к усадьбе Тургая.

Охрана пропустила Шакура беспрепятственно. О нем в банде складывались легенды, и Акрани пользовался авторитетом не меньшим, чем командиры отрядов да и сам Тургай. Акрани вошел в кабинет главаря банды в 10.07.

- Ассолом аллейкум, уважаемый Хизаят!
- Шакур, рад видеть тебя! Проходи, присаживайся.
- Как-то непривычно садиться в кресло, будто мы не у себя на родине, а где-то в Европе.
- Тебя не должно это смущать. Ведь ты же учился в Союзе?
- Когда это было, Хизаят...

Акрани присел в кресло у стола-приставки. Тургай устроился напротив.

– Удивляюсь я тебе, Шакур: столько лет воюешь, а врагов не нажил. Слышал, даже Джума Наджиб не держит на тебя зла, хотя ему наверняка известно, что это ты навел на его базу мои отряды, настроил против него руководство движения... Скажи, как тебе это удается?

– Ты верно сказал, Хизаят, я долго воюю. Мне приходилось попадать в такие ситуации, выхода из которых, казалось, не было. Но хотелось жить, и я находил их. И потом, я никогда не рвался к власти.

– Да, ты не тщеславен, хотя мог подняться высоко.

– А зачем? Выше положение – больше врагов. Я же предпочитаю иметь друзей. И их у меня много. Но ты позвал меня не для того, чтобы просто пообщаться. Так что давай перейдем к делу.

– Верно! Однако и просто поговорить с умным человеком полезно. Но ты прав, у меня есть к тебе дело. Ты знаешь о крушении российского десантного самолета. И о том, что экипаж находится у нас. Я поговорил с командиром. Он утверждает, что «Ил-76» шел в Индию, неся на борту груз для обслуживания самолетов индийских ВВС. Что во время полета вышли из строя какие-то там бортовые системы, и самолет потерял курс, а в дальнейшем и управляемость. Мол, он не знал, что находится над территорией Афганистана.

– В принципе такое вполне могло быть. Россия активно продает Индии оружие, снабжает соседей и оборудованием для его обслуживания и ремонта. Снабжает воздушным путем. Парк боевых машин обновляется крайне слабо. Многие самолеты отработали свой ресурс. Поэтому все чаще происходят катастрофы.

– По падению самолета вопросов нет. Но видишь ли, Шакур, русский майор говорит, что «Ил-76» разбился вместе с грузом, а младший брат Али, что служит в отряде Абдулы, – сын чабана, пасший отару у перевала Радан, над которым пролетал самолет, – утверждает, что видел, как из самолета над хребтом выпали каких-то два предмета, которые потом на парашютах – подчеркиваю, Шакур, на парашютах – опустились на перевал.

Акрани внимательно посмотрел на полевого командира:

– Может, мальчишке померещилось? Что можно увидеть в ночном небе, когда на небольшой высоте пролетает такая махина, как «Ил-76»?

– Вот и русский говорит то же самое. Возможно, баче и привиделись предметы, но парашюты?..

– Я понял тебя, Хизаят. Эти предметы не дают тебе покоя. Если при падении русские выбросили из самолета груз, то он наверняка имел для них большую ценность и не должен

был ни при каких раскладах попасть в чужие руки. Но подумай сам, для чего выбрасывать груз, подлежащий ликвидации в случае нештатной ситуации, если он разбился бы вместе с самолетом?

– А если он, напротив, не должен был пострадать ни при каких обстоятельствах?

– Чтобы достаться тому, кому не должен был достаться?

– А если самолет перевозил не оборудование, а золото?

– Вот что тебя беспокоит... Но в этом случае выбрасывать контейнеры вообще не имело смысла.

– Почему? При крушении оно неминуемо попало бы в руки тех, кто первым вышел к месту падения самолета. А контейнеры можно подобрать и позже. Тем более, если о них никто не знает. Из тех, естественно, лиц, кому и не положено знать... Например, из нас. И расчет прост: пока мы будем возиться с летунами, а русские – искать их, к перевалу Радан будет выброшена спецгруппа. Контейнеры наверняка подадут сигналы, и группа найдет их. В зависимости от того, где и в каком состоянии они находятся, организуют работу по возвращению груза. И русский спецназ справится с этой задачей без особых проблем. Удалась же акция по уничтожению Ахадрада и освобождению заложниц? И никто не знал о том, что целая группа русского спецназа спокойно готовит операцию в нашем районе. По контейнерам же задача еще проще.

Акрани погладил бородку:

– Ну, не знаю, Хизаят! Уж слишком у тебя разыгралось воображение. Секретные спецконтейнеры, золото, угроза прибытия российского спецназа...

– Но разве моя версия не имеет права на существование?

– Думаю, не более чем теоретически. Вот если русские узнают, что экипаж находится в Галистане и ему грозит опасность, то в этом случае угроза проведения их спецназом повторной боевой операции более вероятна.

– Экипаж? О том, что он находится у меня, не знают даже в штабе движения. В конце концов, это моя добыча. И я вправе сам решать, что мне с ней делать.

– Ты забыл, как отреагировало руководство на бизнес Ахадрада?

– Э-э, Шакур, то совсем другое дело. Абадзе, он же Ахадрад, специально занимался работоторговлей, осознанно. Что запрещено. Летчиков же мои люди захватили случайно, на территории, которая подконтрольна мне. Они взяли пленных, а пленные становятся собственностью того командира, у которого находятся. И вот это уже закон. Так что не надо путать грязные делишки покойного Ахадрада с моими действиями.

– Я не путаю, просто пленные пленным рознь. Одно дело десяток солдат, захваченных в бою, и совершенно другое, случайно, как ты сам выразился, попавшие к тебе летчики с воздушного судна, потерпевшего крушение. Летчики не воевали против нас. Они не убивали наших бойцов.

– И что, мне отпустить их? Вот так взять и отпустить? Дать машину, деньги, пищу, и пусть катят на все четыре стороны? Или пригласить в Галистан сотрудников российского посольства? Встретить, как дорогих гостей, представить пилотов – вот, мол, ваш экипаж, живой и невредимый, забирайте... А перед этим извольте шашлычка откусать... Так предлагаешь поступить, мудрый Акрани? Да мне плевать, что произошло с их самолетом! Главное – экипаж, русские офицеры оказались вооруженными на моей территории. Я их сюда не звал. Но раз объявились, значит – либо смерть, либо плен.

– Успокойся, Хизаят! Я не предлагаю тебе отпустить русских или сообщить о них в российское посольство и штаб движения. Они действительно твои пленные. Я всего лишь советую не торопиться решать их судьбу. Они ценный товар, не потеряй и не испорти его. А поспешные действия могут реально изменить ситуацию не в твою пользу. Не торопись, Хизаят!

Тургай прошелся по кабинету, нервно перекладывая четки. Довольно долго смотрел в окно. Затем резко обернулся, его физиономия расплылась в подобие улыбки:

– Ты прав, Шакур! Я принимаю твой совет. Ты и вправду мудрый человек. Но проверить информацию по контейнерам, которые видел мальчишка-пастух, считаю необходимым. И сделать это, Шакур, можешь только ты.

– Ты преувеличиваешь мои возможности...

– У тебя много друзей, Шакур, у них есть воины, и они не враждуют с Джумой Наджибом. Согласись, я не могу послать к Радану свои отряды. Это станет известно Джуме, и он предпримет все усилия, чтобы ударить по моим людям из засады. Я не могу так рисковать.

– Да! Джума не упустит случая укусить тебя, – кивнул Акрани.

– Так ты берешься за это дело?

– Давай определимся с задачей. Необходимо только найти груз – или еще и вывезти его сюда?

– И найти, и вывезти! Что бы ни находилось в контейнерах. Вопрос с техническим обеспечением действий твоих людей я решу. Получишь все, что потребуется.

Пуштун взял паузу. Затем сказал:

– Для того, чтобы принять окончательное решение, мне необходимо подумать, оценить обстановку, кое с кем переговорить, встретиться. Посему я должен иметь полную свободу перемещения вне базы.

– Считаю, ты ее уже имеешь. Любая машина в твоём распоряжении. Нужны люди – скажи, сколько и когда. И они у тебя будут.

– А вот это уже лишнее. Чем меньше народа будет знать о нашем разговоре, тем лучше! Я имею в виду и командиров отрядов Бахтияра с Абдулой, и помощника Ахмади.

– Они верны мне и многократно доказали свою преданность.

– Я настаиваю на том, чтобы о моем задании – кроме тебя, естественно – не знал в Галистане никто!

– Ну хорошо, – согласился Тургай. – Твое задание останется в тайне.

– Я должен иметь право покидать кишлак в любое время дня и ночи.

– Мы уже говорили о свободе твоих действий.

– Мое поведение непременно вызовет недоумение, возможно, недовольство твоего помощника.

– О нем я позабочусь!

– Хоп! Вечером я сообщу тебе свое окончательное решение.

– Буду ждать тебя.

Акрани поднялся, кивнул полевому командиру и вышел из его кабинета. В 12.20 он вернулся к себе домой и тут же привел в рабочее состояние спутниковую станцию. Вышел во двор. Обошел дом. Никого не заметил, за ним не следили. Вернулся в комнату, набрал на трубке длинный номер.

Начальник ГУБТ ответил тут же:

– Феофанов на связи!

– Это Пуштун...

* * *

Секретная резиденция

Главного управления по борьбе с терроризмом.

Ближнее Подмосковье. Понедельник. 16 июня

Полковники Крымов и Тимохин прибыли в секретную резиденцию Управления в 9.54. Ровно в 10.00 они вошли в кабинет генерал-лейтенанта Феофанова. Сегодня здесь присутство-

вал и заместитель начальника главка, генерал-майор Потапов. Офицеры поздоровались. Феофанов спросил:

– Как вчера прошло мероприятие?

– По случаю рождения у майора Шепеля сына? – уточнил Крымов.

Феофанов взглянул на начальника отдела:

– Ты не выспался, Вадим Петрович?

– Почему? Выспался!

– По тому, как отвечаешь на вопрос, это незаметно. У вас в городке было запланировано какое-то другое мероприятие?

– Нет...

Ответил Тимохин:

– Все прошло нормально. Вовремя начали, вовремя закончили. На спиртное было введено ограничение, так что офицеры боевых групп с утра находятся в полном порядке.

– Даже Шепель?

Вперед выступил Крымов:

– Погоди, Саня, я сам. Дело в том, Сергей Леонидович, что мы с Шепелем вчера после вечеринки еще немного у него дома посидели. Но он тоже в порядке. А я, признаюсь, чувствую себя неважно, но это быстро пройдет.

– Понятно... Проходите, присаживайтесь!

Офицеры заняли свои привычные места за столом совещаний.

– В 10.00 должен был выйти на связь Пуштун, но передал сигнал отсрочки сеанса. Думаю, мы услышим его во время совещания, – сообщил Феофанов. – Итак! Вы должны были определиться с составом групп, которые могут быть задействованы в операции, получившей название «Афганский рейд». Полковник Крымов, слушаю вас.

Начальник отдела спецмероприятий хотел подняться, но генерал разрешил докладывать сидя.

Крымов достал из папки лист, на котором были вписаны фамилии бойцов боевой группировки ГУБТ, или подразделения спецназначения «Вулкан»:

– Мы вчера обсудили ситуацию, что сложилась на данный момент в Афганистане. И по пилотам, и по грузу. Пришли к выводу, что за «речку» придется перебрасывать три группы – соответственно «Орион», «Мираж» и «Алтай». В принципе, как и предполагалось изначально. «Орион» мы предлагаем использовать в акции по освобождению экипажа разбившегося самолета. «Мираж» – в поиске и эвакуации секретного оборудования. «Алтаю» отводится роль резервной группы. В случае необходимости она либо поддержит действия «Ориона» – все же штурм базы талибов дело непростое, – либо, если Тимохин разберется сам с Тургаем в Галистане, прикроет работу «Миража». На перевале Радан тоже могут возникнуть трудности. Там территория контролируется недобитками Джумы Наджиба, а как известно, нет ничего опасней раненого, обозленного зверя. Третий вариант – усиление бойцами «Алтая» групп «Орион» и «Мираж». Окончательное решение целесообразней принимать на месте. Руководить операцией «Афганский рейд» предлагаю назначить себя. Управление действиями групп осуществлять у района дислокации «Алтая» либо, в случае разделения группы, с позиций работы «Миража».

– Я вот ночью думал, а хватит ли нам двадцати двух бойцов трех групп для практически одновременной отработки двух целей? – проговорил генерал. – Причем одну из них наверняка придется брать штурмом. Я имею в виду базу Тургая в Галистане. Двадцати двух с учетом Крымова, чье присутствие в Афганистане еще под вопросом.

– Давайте планировать к переброске всю группировку, – сказал Тимохин. Это двадцать девять человек с учетом полковника Крымова. И в резерв выводить «Град»! А вообще-то, что-либо планировать без информации по базе Тургая бесполезно. Нам надо знать, что она

собой представляет, насколько укреплена, сколько боевиков постоянно находится в селении. Нужна схема кишлака с указанием резиденции Тургая и места содержания наших пилотов. Эту информацию мы можем получить только от Пуштуна. К тому же обстановка может измениться в любую минуту. Духи часто и тайно перемещают своих пленных из кишлака в кишлак.

Феофанов поднялся:

– Согласен! Ждем сеанса связи с Акрани. Теперь о блоках, находящихся в контейнерах. Их прямое предназначение мне так и не удалось узнать, что говорит о высочайшей степени секретности, наложенной на них.

– Да, видимо, очень ценные цилиндры... – задумался Крымов. – Кстати, те ребята, что упаковали их в контейнер, объяснили, как извлечь эти блоки?

– Объяснили. Каждый контейнер имеет свой код. Первые четыре цифры – номер груза, 0075, две другие мы узнаем непосредственно перед вылетом. При правильном наборе кода контейнеры раскроются, как чемоданы; в каждой половине будет по ящику. В ящике по два цилиндра. Нам передадут специальные бронированные ранцы, в которые следует вложить цилиндры. Веса они немного, по габаритам небольшие, никакой трудности для переноски не составят. По крайней мере так утверждают специалисты, занимавшиеся загрузкой блоков в контейнеры.

– А какая-нибудь дублирующая система самоликвидации не включится, как только мы откроем ящики? – спросил Тимохин.

– Нет. Зачем? Если была бы эта дублирующая система, нас бы за секретным грузом не посылали. Духи нашли бы контейнеры, взломали их и отправились бы к Аллаху вместе с остатками цилиндров. Дублирующая система для груза 0075 не предусмотрена.

– Что ж так спецы по сверхсекретным блокам лоханулись? Или обеднели настолько, что на дублирующую систему денег не хватило? Разворовали бабки в вышестоящих кабинетах?

– Не следует ерничать, Александр Александрович, – нахмурился Феофанов. – Никто ничего не разворовал, просто не был просчитан вариант возникновения неисправности на борту самолета, способной привести к авиакатастрофе. Кстати, члены комиссии ВВС до сих пор не могут понять, почему вдруг исправный, еще не старый, только что прошедший плановое обслуживание и тщательную проверку перед вылетом самолет потерпел крушение.

– А пилоты не могли имитировать катастрофу? – прищурился Крымов.

– Нет. Почему, не скажу – не знаю, но в штабе ВВС полностью исключают данную версию. Как понял, специально сбить курс не позволила какая-то наземная система. И только в случае реально возникшей аварийной ситуации могло произойти то, что произошло. В общем, что-то в этом роде.

– Понятно! Остается одно – пожелать летчикам продержаться какое-то время, пока мы не вытащим их из Афгана.

Генерал посмотрел на часы:

– 11.45. Что-то молчит Шакур...

– Значит, не обеспечена безопасность связи. Прицепился к Пуштуну какой-нибудь дух – и кранты. «Спутником» не воспользуешься. Будем ждать. Сейчас без него мы, как без рук!

Феофанов улыбнулся:

– Помнится, Саша, при проведении операции «Охота» ты в чем только не подозревал Пуштуна и настаивал на автономной работе... Тогда он тебе был не нужен. Хотя исключительно благодаря его работе «Ориону» удалось ликвидировать Абадзе и вернуть на родину четверых девушек.

– Знаете, Сергей Леонидович, кто старое помянет, тому...

– Знаю, знаю... Предлагаю сделать перерыв. Перекурить, выпить по чашке кофе. Дальше приемной прошу не уходить, разве что в туалет. Во время сеанса связи с Пуштуном все должны находиться в кабинете.

Офицеры поднялись, вышли в приемную. Старший прапорщик Ларинов тут же начал готовить кофе. Тимохин закурил, Крымов, достав сигареты, бросил пачку обратно в карман. Это не укрылось от всевидящего ока помощника начальника Главного управления.

– Что это с тобой, Крым? Никак курить бросил? Или с перепоя не в кайф!

Крымов изобразил возмущение:

– Чего? Ты, Вася, говорить говори, да не заговаривайся. Какой еще перепой?

– Ну как же? Вы же вчера сына Шепеля обмывали? – заговорщицки подмигнул Ларинов.

– Ну и что?

– Ничего! Вот и говорю – перепой, наверное, вышел, а с бодуна никакая сигарета не пойдет. Может, тебе минералки налить, а, Крым? Немного, но полегчает. А могу и коньяку плескнуться. Втихаря. Здоровье в момент поправишь!

– А не пошел бы ты, Вася?

– Да я-то пойду, Вадим Петрович, мне что; это тебе мучиться. Но ладно, вот ваш кофе, господа полковники, а я к генералам.

И Ларинов выставил на стол две чашки крепкого ароматного напитка.

Крымов мотнул головой:

– Ничего не прет. И черт меня попутал повестись вчера на разводы Шепеля!

– А как, кстати, Миша развел тебя? – улыбнулся Тимохин.

– Да как пацана. Вышли из клуба. Пошли через часть, я спросил его насчет тестя. Мол, теперь за сына наверняка новый внедорожник отвалит. Мишка: «Чего там внедорожник – котедж дарит!» Сказал: как жена из роддома выйдет, так документы и оформят. Хорошо иметь богатых родственников, говорю я. А Шепель погнал о том, что он независим, ни копейки у тестя, нефтяного магната, не берет. Вот только от бутылки настоящего французского коньяка отказаться не смог. А коньяк, типа, с нашей бурдой, что в магазинах продается, ни в какое сравнение не идет. Только попробовав, мол, понимаешь, что такое реальное фирменное пойло. Я говорю: туфта все это. С одного, мол, крана льют. И у нас, и в Европе. Шепель и предложил попробовать. А пили хоть и понемногу, но часто, развезло слегка. Ну и согласился сдуру. Пришли к Мишке домой, он черную бутылку на стол, два фужера, тарелку с порезанным лимоном. С пробкой возня вышла: бутылка же запечатана, не то что у нас, по всем правилам. Ну, Шепелю надоела возня, он и срубил ладонью горлышко. И тут, Саня, скажу тебе, я в натуре врубился, что пьем мы обычно отстой.

– И с чего это ты врубился?

– Аромат, Саня! Такой по кухне пошел аромат, что охренеть. Мишка разлил в фужеры граммов по пятьдесят, сказал, не глотать. Смаковать. На вкус пойло мягкое, но крепкое. Пьется легко. Привкус приятный. По первой отсмаковали, а потом, как по макушкам ударило, пили по полной. И усидели пузырь стоимостью чуть ли не в три штуки евро.

Тимохин удивился:

– Это кто тебе сказал, что коньяк стоит три тысячи евро?

– Как кто, Шепель твой. Мы ж с ним вдвоем пили.

– А! Тогда понятно!

– Что, думаешь, на такие бабки французский коньяк не потянет?

– Точно не скажу, но думаю, Мишка от балды цену назвал. Ему бутылку тесть подарил?

– Да.

– А когда что-то дарят, то цену подарка не называют.

– Ну и хрен с ним. Но пойло, я скажу тебе, шикарное, если, конечно, не жрать его стаканами. А иначе мы не умеем. Оттого и ломает всего. От водки я часам к десяти поутру, бывало, как огурчик, а «француз» с его ароматом до обеда держит, и кто знает, сколько еще продержит.

– Тошнит?

– Временами...

– Сходи в туалет – и два пальца в рот!

– А потом над толчком зависнуть? Феофанов спросит, где у нас начальник отдела спецмероприятий? А Ларинов доложит: извините, мол, Сергей Леонидович, полковник Крымов блюет-с! Ты этого хочешь?

– Я не заставлял тебя пить с Шепелем. Он-то в отличие от тебя чувствует себя прекрасно. С утра, как обычно, пробежку делал. В окно спальни видел.

– Да? Молодец! А вот мне хреново, Саня. Мозги вообще не врубаются. И дело, как назло, серьезное...

– А когда у нас несерьезные дела были?

– Тоже верно! Слушай, не дыми на меня? Вон форточка открыта.

Тимохин покачал головой:

– Тебе, Крым, точно похмелиться надо. Иначе вывернет тебя французское пойло наизнанку – и в самый неподходящий момент...

В приемную вернулся старший прапорщик Ларинов. Александр обратился к нему:

– Василий! Ты говорил, у тебя коньячок имеется?

– Есть в заначке!

– Давай налей граммов пятьдесят полковнику Крымову. Только незаметно, по-тихому!

– Понял! Минуту!

Ларинов открыл шкаф и извлек из рукава шинели початую бутылку дешевого коньяка. Явно не французского и даже не армянского. Налил светло-коричневой жидкости в пластмассовый стаканчик:

– Крым! Готово. Давай!

Крымов опрокинул стакан, Ларинов протянул ему конфету:

– Возьми леденец. Мятный. Запах отобьет!

От конфеты полковник отказался. Икнув и почувствовав облегчение, прикурил сигарету:

– Фу! Совсем другое дело. Теперь подальше от генералов надо держаться.

Докурить он не успел. В 12.30 станция Феофанова выдала сигнал вызова. Офицеры, услышав сигнал, вошли в кабинет. Начальник Управления, включив режим громкоговорящей связи, снял трубку:

– Феофанов на связи!

– Это Пуштун!

– Рад слышать тебя, Пуштун. Доброе утро!

– Доброе, генерал, хотя, для кого оно доброе, для кого нет!

– Что-то произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.